

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК НОВАЯ ЭРА

ЕВГЕНИЙ ПАНОВ

ИНЖЕНЕР СТРАНЫ СОВЕТОВ

ОДИН ВЕРТОЛЕТ — ХОРОШО, А ДВА — ЛУЧШЕ!

Евгений Владимирович Панов
Инженер страны Советов
Серия «Фантастический
боевик. Новая эра»

текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67993445

*Евгений Панов. Инженер страны Советов: Издательство АСТ;
Издательский дом «Ленинград»; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-150954-5*

Аннотация

Кто-то проваливается в прошлое со смартфоном, подключённым к интернету, кому-то в жутко секретной лаборатории закачивают в мозг кучу разной информации, у кого-то за пазухой припрятан ноутбук, в котором – вот чудо! – просто огромный объём научной и технической информации, а кто-то при переносе получает сверхспособности. А что делать, если ты обычный российский инженер и попал в прошлое в одних трусах и часах, а из всего полезного при тебе лишь увлечение молодости?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	34
Глава 3	62
Глава 4	87
Глава 5	114
Глава 6	136
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Евгений Панов

Инженер страны Советов

© Евгений Панов, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

Глава 1

Заплыв в прошлое

Республика Башкортостан, г. Белорецк.

15 августа 2020 года

Кто-то говорит, что извечный русский вопрос – это «что делать?». Да ничего подобного! Извечный русский вопрос – это «на кой черт я пил последнюю?». Вот и я решал этот самый пресловутый вопрос, бредя по ночной грунтовке, идущей по берегу городского пруда. Куда брел? Да кто же меня знает. Просто в какой-то момент устал от шумной пьяной компании, с которой отмечали день рождения коллеги по работе. Да и компания, если честно, не совсем, что называется, та. Какие-то мутные пьяные разговоры о том, кто какую тачку купил, кто куда летал на отдых, кто куда удачно своего отпрыска пристроил. Короче, сплошной выпендрез друг перед другом. Ну не мое это. Разменяв свой полтинник, я так за эти годы и не научился, по мнению некоторых, жить, и все эти разговоры были мне, мягко говоря, не интересны. Так что, изрядно приняв на грудь, от души поздравив именинника, я ушел в ночь.

Поднялся по дорожке от лодочной станции, где на всю ночь сняли шашлычную для празднования, и побрел в темноту, даже не осознавая, куда иду. Нет, первоначально соби-

рался идти в сторону городских кварталов, но это надо было идти в горку, поэтому ноги сами понесли меня в противоположную сторону. Осознал я это, когда уже проходил мимо городского пляжа. Видимо, голова слегка проветрилась и начала соображать. И вместе с вопросом, куда меня, собственно, несет ночью, возникло непреодолимое желание искупаться.

Пока данная мысль лениво формировалась в голове, я уже прошел мимо пляжа и свернул по дороге к старой насосной. Во, вспомнил, там же есть отличное место, чтобы искупаться! Как-то отдыхали у насосной с женой, пока она не уехала три года назад к дочери в Питер. Вот там и искупнусь. Глядишь, и в голове немного прояснится от хмеля.

На востоке уже посветлело, и над водной гладью реки Белой начал подниматься чуть заметный туман. Скинув с себя пиджак, брюки и рубашку, я, как был в семейных трусах, ринулся в воду. Ух, хороша водичка!

Мельком взглянул на оставшиеся на руке часы. Кстати, хорошие, водонепроницаемые, с автоподзаводом. Подарок на юбилей от коллег по работе, которые знают мою слабость к наручным часам. С изображением щита и меча, аббревиатурой НКВД и дарственной надписью на задней крышке «Почетному чекисту тов. Шершневу М. А. за образцовое исполнение своих обязанностей и в честь юбилея» и мелким (места уже не осталось), чуть заметным шрифтом дата: «09.05.2020 г.». Шутники, блин. Уважили, можно сказать.

Довелось мне срочную послужить в частях КГБ по охране особо важных объектов.

Четыре часа утра, однако. Загулял я что-то.

Так, лениво перебирая мысли в голове, я медленно даже не плыл, а дрейфовал по безмятежной глади утренней реки, лежа на спине. Течения здесь почти что нет, так что далеко не отнесет.

В какой момент меня накрыло плотным туманом, я даже не заметил. Развернувшись на 180 градусов, поплыл, лениво загребая руками, обратно к насосной. Через минут пятнадцать понял, что что-то не так. По моим расчетам, я давно уже должен был добраться до любого из берегов. Река Белая в этом месте шириной метров 230–250. Это я что, вдоль реки плыву, что ли? Повернув на 90 градусов, начал активно загребать. Сердце забухало в груди. Нет, плаваю я хорошо и утонуть как бы не должен, но все равно тревожно.

Густой туман съедает все звуки, и не слышно даже постоянного шума расположенных на противоположном берегу пруда сталепроволочных цехов металлургического комбината. Вообще тишина, как говорится, гробовая. Бррр!

Да, блин, где же этот берег?! Прямо не пруд, а целое море. За то время, что тут барахтаюсь, я в любом случае уже давно должен был добраться до берега.

От хмеля не осталось и следа. От адреналина начинает потряхивать. Да и силы уже на исходе. Не молоденький ведь уже.

Взглянул на часы. Пять часов утра. Это что получается, я тут уже час изображаю из себя поплавок? Блин, да где же берег-то? Во всяком случае, в остатки деревянных конструкций пешеходного моста¹ я бы уже уперся, если бы даже плыл вдоль реки. Так ведь и потонуть не долго. А туман и не думает рассеиваться. Такое ощущение, что и свет он тоже не пропускает. Во всяком случае, светлее за этот час не стало.

Начала накатывать паника, а вместе с ней словно тисками сжало сердце. В глазах потемнело, и я почувствовал, как начал медленно погружаться под воду. Внезапно тело скрутила жуткая боль. Говорят, перед смертью перед взором проносятся вся жизнь, а у меня перед глазами всплыло изображение надгробного памятника. И надпись на нем: «Шершнев Михаил Андреевич», моя фотография, а также две даты че-

¹ Белорецкий деревянный пешеходный мост построен в феврале – мае 1935 года, чтобы сократить путь рабочим, проживающим в Верхнем селении города Белорецка, до Сталепроволочно-канатного завода. Белорецкий мост являлся одной из главных достопримечательностей Белорецкого водохранилища и города Белорецка, архитектурным объектом деревянного мостостроения, историческим памятником, объектом культурного наследия, одной из достопримечательностей города. В 1973–1983 годах Пятым творческим объединением «Мосфильм» в Белорецке и Белорецком районе производились съемки многосерийного художественного фильма «Вечный зов» по одноименному роману Анатолия Иванова. Одна из самых трогательных и романтических сцен, в которой Яков Алейников делает предложение своей возлюбленной Вере Инютиной перед уходом на фронт, снималась на фоне Белорецкого моста. До августа 2016 года Белорецкий деревянный пешеходный мост был самым длинным в России (552 метра), в этот период был построен Типографский мост в городе Киржач Владимирской области. К июню 2020 года мост был признан аварийным и разобран. У местной администрации не нашлось денег на его ремонт.

рез черточку: «09.05.1970 – 15.08.2020».

Настолько это видение было реалистичным и настолько меня потрясло, что, собрав последние силы, преодолевая всепоглощающую боль, я рванул наверх, к спасительной поверхности воды.

Раздался какой-то хлопок, будто где-то рядом открыли огромную бутылку шампанского, в воде почувствовалась вибрация, сопровождаемая низким гулом. И в этот момент я явственно услышал звук заводского гудка². Сильный удар по голове и последняя мысль: «Один гудок. Шесть часов утра. Рановато помирать...» Затем наступила темнота.

БаССР, г. Белорецк. 15 августа 1938 года

Сторож-смотритель Белорецкой лодочной станции Федор Матвеев разменял уже четвертый десяток, и если бы не искалеченные во время службы в ЧОНе³ в Туркестане в 1925

² Единственное место в России, где до сих пор сохранилась традиция заводского гудка, – город Белорецк (возможно, имеется также работающий гудок в Новокузнецке). Местный гудок оповещает о начале и конце рабочей смены с 1913 года. Он звучит 6 раз в день: за час до начала новой смены звучит один гудок, в начале каждой смены – два. В 6:00, 14:00 и 22:00 часа звучит один гудок, в 7:00, 15:00, 23:00 часа звучат два гудка.

³ ЧОН – части особого назначения. Специальные вооруженные формирования, «коммунистические дружины», «военно-партийные отряды», создававшиеся при заводских партийных ячейках (партячейках), районных, городских, уездных и губернских комитетах партии на основании постановления ЦК РКП(б) от 17 апреля 1919 года для оказания помощи органам Советской власти по борьбе с контрреволюцией, несению караульной службы у особо важных объектов и др. Изначально ЧОН (РОН – рота, БОН – батальон, ПОН – полк) формировались

году ноги и посеченное лицо, был бы мужчиной хоть куда. А так кому он, калека, передвигающийся при помощи костыля, нужен? Да еще и физиономия вся в шрамах. Вот и жил бобылем в пристройке на лодочной станции, отдав свой далеко не маленький дом племянникам, заодно следя здесь за порядком и частенько подменяя в очередной раз загулявшего заведующего пунктом проката лодок. Да и нравилось ему здесь. Тишина, рыбалка.

Вот и в это утро он привычно приковылял к стоящей на понтонах табуретке и начал неторопливо готовить снасти. Сегодня он припозднился. Ночью опять снился тот бой с басмачами, где он, командир ЧОНа, повел оставшихся в живых бойцов на прорыв из устроенной на них засады. Там его и ранило взрывом фугаса, заложенного на пути отхода. Спасибо бойцам, что не бросили своего командира и вытащили к своим. Плохо было, что тот бой часто возвращался в снах, заставляя просыпаться среди ночи.

Неожиданно раздался громкий хлопок и гул, от которого по воде пошла мелкая рябь. Кто-то с шумом всплыл у самого понтона и, хрипло втянув в себя воздух, вновь скрылся под водой. А на водной поверхности начало расплываться кровавое пятно. И в этот самый момент загудел заводской гудок. Шесть часов утра.

Как он смог буквально выдернуть из воды тонущего муж-

из членов и кандидатов в члены партии, с августа 1919 года – также из лучших комсомольцев и беспартийных.

чину, Федор потом так и не смог вспомнить. Хорошо, пришедшие порыбачить поуутру мальчишки помогли занести его в каморку и уложить на топчан. Перевязывая так и не пришедшему в сознание мужчине разбитую голову, Федор обратил внимание на часы на его руке. Поразмыслив пару минут, он отправил одного из мальчишек за своим двоюродным племянником Николаем, старшим оперуполномоченным НКВД.

Пока я лежал в отключке, в каморке сторожа состоялся интересный разговор.

– Здравствуй, Федор Тимофеевич! Чего звал как на пожар? Случилось чего? А то пацаненок что-то про утопленника говорил. Так это не по моей части.

– И тебе не хворать, Николай. Типун тебе на язык. Нет никакого утопленника. Вернее, он есть, да не утоп. Вытащил я его. Без памяти лежит. Голова у него разбита. Я его перевязал как сумел да за тобой послал.

– Так а я-то тебе зачем? Надо было в милицию бежать, а не за мной.

– А ты поглянь, часики какие интересные у него... – Федор протянул племяннику снятые с руки мужчины часы.

Человек в форме сотрудника НКВД прищурился, разглядывая мои подарочные часы.

– М-да. Такие я на курсах у старшего комсостава видел. Только возрастом он явно не подходит, если только часы не

наградные. — Энкавэдэшник задумчиво посмотрел на своего родственника. — Знаешь что, Федор Тимофеевич. Сдается мне, что дело тут серьезное. Была информация, что к нам отправили двух сотрудников на усиление для борьбы с бандитизмом. Из Уфы они выехали и пропали. Твой спасенный не один ли из них. Так что пусть он пока у тебя останется, а ты сам про него помалкивай. Кто будет спрашивать, скажи, мол, оклемался да ушел. Я сеструху Таньку пришлю тебе в помощь. Она курсы медсестер закончила, вот и будет ухаживать за постояльцем. А я попробую по-тихому выяснить все что можно.

Сознание медленно, как бы нехотя возвращалось ко мне. Дико болела голова и ломило все тело. Во рту стояла великая сушь. Я поднял руку, чтобы потрогать свое вместилище иногда умных мыслей, и так и замер. Рука была явно не моя. Вернее, моя, потому как мои часы на ней присутствовали, но все же не моя. Вот такой парадокс. Моя — не моя.

Для ясности: мои руки — это руки 50-летнего мужика, покрытые изрядным количеством шерсти с хорошо видимой татуировкой с изображением эмблемы ВВС (уже лет в 30 довелось исполнить свою детскую и юношескую мечту: в аэроклубе, директором которого был школьный товарищ, я научился летать на самолете Як-52 и вертолете; тогда же и татуировку по пьяной лавочке себе в тату-салоне набил), а это рука молодого человека, с чуть заметным пушком, без ка-

ких-либо следов татуировки.

Попробовал пошевелить пальцами, и они послушно исполнили мою волю. Пораженный этим, я даже о большой голове позабыл. Поднял вторую руку. Та же картина. Молодая крепкая рука с твердыми мышцами. Ха, мои мышцы давно уже затаились под изрядным слоем жира.

Попытался осмотреться вокруг. Небольшая комнатка. Стол у окна, пара табуреток, у противоположной стены – старинная кровать с никелированными набалдашниками. С моей стороны стена беленая. Похоже на заднюю стенку печки. Электрическая проводка на стене и потолке даже на вид старинная, из витых проводов, проложенных на фарфоровых изоляторах. Эх, нет на них пожарного инспектора. С потолка свисает лампочка, вкрученная в металлический патрон без какого-либо плафона. Блин, куда это я попал?

И тут мой взгляд остановился на висящем на стене отрывном календаре. 18 августа 1938 года, среда. Вот тут мне поплохело. Либо это чья-то не слишком умная шутка, либо тот туман был явно не простым, и меня забросило в прошлое. Причем ко второму своему предположению я отнесся более спокойно, чем к первому. За шутку я могу и обидеться, а вот что касается попадания в прошлое, тут сказалось огромное число прочитанных книжек про попаданцев, и это воспринималось спокойно и даже, внезапно, с каким-то облегчением.

Вот только там попаданцы все люди как люди. Проваливаются в прошлое либо со смартфоном, у которого сохрани-

лось подключение к интернету; либо после того, как им в память в жутко секретной лаборатории закачали огромное количество информации по всем областям науки и техники, помнят чуть ли не все иностранные и отечественные музыкальные хиты, историю их создания, сюжеты самых популярных книг. А то и целыми дивизиями, экипажами боевых кораблей и всей страной.

Ну, по крайней мере, они получают какие-то сверхспособности. Я же у себя ничего такого не чувствовал, да и какими-то сакральными знаниями я тоже не обладал. Ну да, инженер. Но кому здесь, в прошлом, если я действительно попал в прошлое, нужны мои навыки работы в автокаде? Тут до компьютеров с автокадом как до Луны пешком. Я, конечно, знал о многих исторических событиях этого периода, спасибо форумам альтернативщиков, на которых любил зависать, и это могло мне пригодиться.

Вновь обведя комнату взглядом, я увидел в углу умывальник и небольшое зеркало рядом с ним. С большим трудом встав на ноги, держась за стену, я доковылял до него. Из зеркала на меня взглянула чужая, незнакомая физиономия с черными кругами вокруг глаз замотана бинтом. Вернее, физиономия была очень даже знакомая, правда, уже изрядно забытая и как бы не совсем чужая. Если убрать колер вокруг глаз, то из зеркала на меня смотрел я, такой, каким был четверть века назад. Ну хоть какая-то плюшка от моего попадания.

В этот момент дверь в комнатушку открылась, и, обернувшись, я увидел стоящую на пороге красивую девушку. Пикантности добавлял тот факт, что из одежды на мне были лишь трусы и повязка на голове.

– Ой, здрасте... – Девушка мгновенно покраснела как маков цвет и выскочила за дверь. – Вы, товарищ, одевайтесь. Там, на табурете, одежка кое-какая, а я подожду, – сказала она из-за двери.

Присмотревшись, я увидел аккуратно сложенные на табурете, наполовину задвинутом под стол, вещи. Черные брюки, изрядно выцветшая гимнастерка старого образца и странно-го вида ботинки, похожие на брезентовые.

До стола дошел я уже вполне уверенно. Штормило меня, конечно, как после хорошего подпития, но уже было терпимо. Одевшись, вновь проделал путь до двери и, открыв ее, сделал приглашающий жест ожидавшей там девушке. Она быстро проскочила в комнатушку, разожгла примус и поставила на него чайник. В этот момент я почувствовал, что не могу говорить, потому что во рту все пересохло. Видимо, мой взгляд был настолько красноречив, что девушка протянула мне ковшик с водой. О, боже, какой это был нектар. Ничего слаще и вкуснее я никогда не пил.

– Спасибо, – чуть переведя дух, я протянул пустой ковш девушке.

– Не за что, – она пожала плечами, – сейчас чайник закипит и попьем чаю. Да и покушать вам надо. Я тут бульон

сварила, сейчас его тоже подогрею. Дядя Федя сказал, что вам пока только жиденькое можно, а то плохо может стать. Вы трое суток без сознания пролежали.

– А дядя Федя – это кто? – чуть хрипло спросил я.

– Так это он вас из воды вытащил, – девушка оживилась. – Мальчишки говорили, что чуть следом не нырнул, да успел ухватить. И как только смог на мостки вас вытащить? А сюда ему вас те же мальчишки помогли занести. Тут он вам голову и перевязал. Он это умеет. А потом за моим братом мальчишек послал, а тот мне велел сюда прийти и дяде Феде помочь. Я курсы медсестер закончила и перевязки делать умею.

– А сам этот дядя Федя где? – спросил я.

– Так он в ОРС⁴ с завхозом уехал по делам. Велел мне за вами присматривать. А брат придет вечером после службы.

– Извините, девушка, а как вас зовут? А то неудобно общаться, не зная имени.

– Я Татьяна... – Девушка протянула мне свою ладошку.

– Михаил. – Я аккуратно пожал теплую ладошку. – Скажите, Таня, а где я вообще нахожусь и кто такой этот ваш дядя Федя?

– Так вы ничего не помните? – Девушка слегка удивилась. – Вы на лодочной станции, а дядя Федя тут сторожем работает и живет здесь же. Он утром рыбачить пошел и увидел, как вы тонете у самых понтонов. И голова у вас разбита

⁴ ОРС – отдел рабочего снабжения.

сильно была. Он сам с костылем ходит, но как-то смог вас вытащить, а затем у себя в комнате разместил да велел помалкивать о вас и никому не рассказывать. А вы, наверное, как мой брат, в органах служите?

– В каких? – Я аж поперхнулся.

– Ну, в НКВД. У вас, вон, и часы наградные. – Татьяна кивнула на мою руку с часами.

В этот момент закипел чайник, и девушка отвлеклась на него, снимая с примуса и ставя подогреваться мисочку, по-видимому, с обещанным бульоном. А я невольно залюбовался ею. Простенькое ситцевое платье в горошек подчеркивало девичью стройную фигуру, а белые носочки с туфельками вызывали улыбку. Перехватив мой взгляд, Таня засмушалась.

А потом мы пили чай. Хотелось бы сказать, что пили вкусный чай, но, увы, тот напиток, который мы распивали, чаем назвать мне, избалованному действительно хорошим чаем, было затруднительно. Спасали вкус добавленные в заварку травы. Душица, зверобой и лист смородины сделали наш напиток скорее отваром трав, не лишенным, однако, своей прелести.

Давненько я такое не пил, да еще из металлической кружки. Несколько небольших кусков сахара, лежащих на блюдце, подсластили наше чаепитие. Я аккуратно, чтобы не обжечься о край кружки, отхлебывал чай и смотрел на девушку. Татьяна налила чай в блюдце, держа его в одной руке,

другой макала в напиток маленький кусочек сахара и, откусив от него своими идеально белыми и ровными зубками, запивала парящим напитком. Сахар, кстати, был намного вкуснее того, что я ел в ХХІ веке.

За чаепитием я аккуратно порасспросил девушку. Ну что можно сказать? Сейчас действительно 18 августа 1938 года, а я действительно нахожусь в родном городе Белорецке.

После чаепития девушка быстро помыла кружки под умывальником и засобиралась домой, пообещав ближе к вечеру прийти меня проведать. Сказала только, что брат и дядя Федя просили меня не выходить из комнаты, если в их отсутствие я встану на ноги.

Проводив девушку, я вернулся на свой топчан и, откинувшись на подушку, задумался. Забросило меня во времена, мягко говоря, непростые. Про «стопицотмильенов» репрессированных я не верил, да и архивные документы об этом говорили, но вот в то, что в эти времена загреметь на нары под фанфары было проще простого, я верил целиком и полностью. Достаточно было показаться подозрительной личностью. А я являлся более чем подозрительным. Мелькнула даже мысль по-тихому свинтить отсюда, пока остался один. Но как мелькнула, так и пропала. Сбежать-то не проблема, а вот куда потом? Да и не хочу я этого. Как ни странно, но в этом времени я чувствовал себя вполне, как бы это сказать, комфортно, что ли. Я хотел здесь жить. Наверное, это была подсознательная мечта, которая крепла с каждой прочитанной

книгой о попутанцах.

Остался вопрос с легализацией. Прикинуться потерявшим память? И что это мне даст? Ровным счетом ничего. Кому я тогда буду интересен? Хотя если жить жизнью обычного обывателя, то и такой вариант вполне прокатит. Вот только смогу ли я так жить, зная, что мог помочь стране и ничего для этого не сделал?

Остался вариант открыться. Но тут надо все хорошенько обдумать. К Сталину меня никто близко не подпустит. Писать письмо ему глупо; наверняка почта проверяется, а это значит, что обо мне станет известно еще кому-то. В таком случае вероятна утечка. Выходить на НКВД, пока во главе ведомства стоит Ежов, глупо вдвойне. Единственным адекватным человеком, с которым пока возможно наладить контакт, остается Берия, что бы там про него ни выдумывали либерасты в будущем. Теперь осталось подумать, что я могу предложить стране.

Координат месторождений особо не знаю, так, примерно могу показать, где в моем времени была алмазная столица России город Мирный. Ну еще, пожалуй, примерно районы добычи нефти и газа. Знание событий будущего, конечно, руководству государства пригодится для принятия решений, поможет избежать многих ошибок, но для этого надо выйти на это самое руководство.

Из технических знаний особо ничего полезного у меня нет. Ну знаю я, как выглядит автомат Калашникова, разо-

брать-собрать могу, настрелялся в армии в свое время, но воспроизвести его вряд ли получится. Хотя...

Было у меня одно увлечение, которое может мне и здесь пригодиться. Вертолеты. Когда учился летать а аэроклубе, был там один энтузиаст, который собирал самодельный одновинтовой вертолет с автомобильным двигателем. Мне стало интересно, и я взялся помогать ему. Все целиком делали сами. Те же несущие лопасти сами рассчитали и сами изготовили. И ведь взлетел наш «Птах», такое название дали своему детищу, и хорошо взлетел. Налетались на нем до одури. Машинка получилась легкая, надежная. Двоих не самых хилых мужиков запросто поднимала.

Потом конструктор и хозяин вертолета продал его кому-то, чтобы оплатить учебу дочери. Продав и тут же начал строить другой, уже соосной системы. Почти два года мы с ним из гаража не вылезали, но «Птах-2» у нас тоже полетел. Тогда я буквально заболел винтокрылыми машинами, даже несколько лет проработал в Кумертау на вертолетном заводе.

Сейчас вертолеты только-только делают робкие шаги в небо. В Германии в 1936 году взлетел двухвинтовой вертолет с поперечным расположением винтов Focke-Wulf Fw 61. В Америке над своим Vought-Sikorsky VS-300 (S-46) вовсю работает Игорь Сикорский, да и здесь, в СССР, в 1930-е годы пытались создать нечто похожее. Так что есть все шансы войти в плеяду пионеров винтокрылой авиации.

Протяжный заводской гудок прервал мои размышления.

Четырнадцать часов. Я выставил на своих часах точное время и вновь погрузился в думы. Вариант открыться тоже стоит рассматривать с точки зрения пятьдесят на пятьдесят. Есть все шансы, что меня просто закроют в самый глубокий, может быть, даже комфортабельный подвал и будут выжимать информацию, пока не выжмут досуха. И не факт, что потом по-тихому не прикопают где-нибудь, чтобы не допустить попадания такого ценного источника информации не в те руки.

Так что придется давать информацию дозированно и анонимно, не раскрываясь до поры, а тем временем завоевывать авторитет в качестве конструктора вертолетов. Наверное, это будет правильно. Просто сидеть и знать, что мог спасти кого-то из тех почти тридцати миллионов погибших в годы войны и не сделал для этого ничего, я не смогу. Мне совесть просто не позволит.

Ладно, с этим определился. Ясно все станет после разговора с братом Татьяны, который, как я понял, является сотрудником НКВД. Может статься, что он меня просто арестует как подозрительную личность. Вот с ним, скорее всего, придется играть в игру «тут помню – тут не помню».

Если все пройдет нормально, то можно будет начинать как-то строить свою жизнь в этом времени. Насколько я помню, аэроклуб в Белорецке в эти годы уже вовсю работал, а значит, какая-никакая база, на которую можно опереться в своей работе, есть. Черт! Слишком много неясностей и допу-

щений, чтобы четко строить какие-либо планы. Все же вначале надо легализоваться.

Я так сильно погрузился в свои мысли, лежа на топчане, что не услышал, как кто-то подошел к двери. Обернувшись на звук открывшейся двери, я ожидал (да и хотел) увидеть Татьяну, но вместо нее вошел колоритный мужик в старой, но чистой гимнастерке, подпоясанный ремнем, в брюках защитного цвета, заправленных в довольно поношенные сапоги, со шрамом на лице, опиравшийся на костыль. Похоже, мой спаситель, дядя Федя вернулся.

Я встал с топчана и хотел было поздороваться, но вошедший опередил меня.

– Ну здравствуй, мил человек! Я гляжу, оклемался?

Интерлюдия

Николай

Старший оперуполномоченный НКВД Николай Сазонов сидел на заднем сиденье выдавшего виды ГАЗ-А, погруженный в невеселые думы. Этому не мешали тряская дорога и подвывание двигателя машины. Пришедший в органы по комсомольской путевке, он с самых ранних лет обладал обостренным чувством справедливости и считал, что все в жизни должно быть по совести.

То, чему он стал свидетелем сейчас, участвуя в операции по аресту, как было написано в анонимном доносе, бывше-

го кулака, бандита и контрреволюционера-троцкиста, в селе Ломовка, полностью противоречило его убеждениям. Буквально только что начальник Белорецкой районной милиции лично при обыске «нашел» в хлеву у колхозника старый потертый обрез и уже тронутый ржавчиной револьвер. И все бы ничего, если бы Николай буквально за полчаса до операции эти самые обрез и револьвер не видел лежащими на полу в машине главного милиционера района⁵. Получается, что либо он сам, либо кто-то из его подчиненных подбросили это оружие арестованному.

Николай хотел было уже вмешаться, но его непосредственный начальник капитан Зимин, увидев состояние подчиненного, по-быстрому отправил его обратно в город (если бы Николай в тот момент обернулся, то увидел бы пристальный взгляд себе в спину с очень нехорошим прищуром).

Сам Зимин тоже был далеко не безгрешен. Чего только стоят его рапорты в Третье управление УГБ НКВД БССР об «орудовавших в окрестностях Белорецка повстанческих отрядах», вооруженных даже пулеметами. И все для того, чтобы в удобный момент благополучно эти самые отряды «ликвидировать» и получить очередное поощрение.

Мерзко все это. И еще более мерзким было то, что и самому Николаю приходилось во всем этом участвовать, нравится оно тебе или нет. Предшественник Сазонова попробовал возмущаться, но оказался троцкистом и, как выяснилось на

⁵ Основано на реальных событиях.

допросах, имел связь с бандитами, за что и был арестован.

Николай даже сплюнул в окно.

— Пылюка, зараза, — ответил он на немой вопрос обернувшегося водителя и вновь погрузился в свои мысли.

Машина, подпрыгнув на очередной кочке и жалобно закрипев, вильнула за поворот и начала спускаться к мосту через речку Нура. Слева показались обнесенные забором из колючей проволоки бараки спецпоселения. Николай бросил на них взгляд. Неужели так много внутренних врагов у советской власти? Только здесь находятся почти 500 человек, и таких спецпоселков по всей необъятной стране очень много, а наш пролетарский суд не может ошибаться, и значит, врагов действительно много. Некоторые из них проникли даже в органы власти. Взять того же бывшего наркома внутренних дел Ягоду, который, как оказалось, был связан с врагом трудящихся Троцким и пытался организовать троцкистско-фашистский заговор в НКВД, готовил покушения на товарищей Сталина и Ежова, а также занимался подготовкой государственного переворота и интервенции.

Да что далеко ходить, если даже здесь, в маленьком городке, и то враги народа пробрались во власть. Бывший секретарь райкома Гришкан вообще орудовал как самый настоящий бандит. Построил дачу, на которой пировал со своими дружками. Туда свозили возами продукты, которых не хватало рабочим. Мука, масло, сахар, мясо и яйца портились, и их увозили на отвал, а чтобы никто не мог их оттуда взять,

все это обливалось дефицитным керосином. И это в те дни, когда в стране лютовал голод.

Товарищи пытались критиковать Гришкана, но итогом стало несколько убийств с целью пресечь критику. Снять с должности секретаря райкома и потом арестовать смогли лишь благодаря письму, адресованному товарищу Сталину и доставленному в Москву двумя партизанами, воевавшими с белыми в здешних лесах. А ведь казался очень ответственным товарищем, верным большевиком.

Когда на сталепроволочном заводе в 33-м году случился пожар и почти полностью сгорели травильное отделение, патентовка и сталепроволочный цех, то он оперативно мобилизовал все районные парторганизации и предприятия, организовал субботники, и уже через 22 дня завод был восстановлен и начал давать такую нужную стране продукцию, хотя, по расчетам специалистов, на это должно было потребоваться минимум полгода⁶.

И все же Гришкан оказался врагом народа. Разве не знал обо всех темных делишках бывшего секретаря райкома непосредственный начальник Николая? Прекрасно знал. И более того, всячески им потворствовал, закрывая на них глаза.

Николай уже решил, что, как только приедет в управление, то сразу напишет соответствующий рапорт на имя начальника УГБ НКВД БаССР, когда его мысли переключи-

⁶ Реальные факты.

лись на того парня, что выловил из заводского пруда дядя Федя.

Парень был очень странный. Николай уже выяснил, связавшись с Уфой, что он не является одним из тех двоих пропавших сотрудников НКВД, посланных к ним на усиление. Смущали наградные часы на его руке и очень странная гравировка на обратной стороне. Вернее, в самой надписи ничего необычного не было, вот только выгравированная ниже очень мелким шрифтом дата вызывала вопросы. Кто-то, возможно по невнимательности, дважды написал год. Но тогда получается, что эти часы выловленному из пруда парню не принадлежат. Ему на вид лет 25–27. Получается, что в 1920 году ему было 7–12 лет. Речь идет о юбилее, значит, по логике, в момент награждения ему должно было бы быть 10, максимум 15 лет. Тоже не сходится.

Нет, Николай слышал о том, что тот же Аркадий Гайдар, книги которого так нравятся его сестре Татьяне и который в 1921 году прошел со своим отрядом рейдом по Белорецку и окрестным селам, в 16 лет командовал полком. Вот только больше ни о ком столь юном известно не было. А тут еще и почетный чекист. Значит, часы не его. Но тогда чьи? И как к нему попали? И кто он такой вообще? Вопросы, вопросы. Николай просто чувствовал, что за всем этим скрывается какая-то тайна огромного масштаба.

Так за раздумьями Николай не заметил, что машина уже стоит у крыльца районного управления НКВД и водитель во-

просительно смотрит на погрузившегося в свои мысли старшего лейтенанта. Хлопнув себя по колену, словно приняв какое-то решение, Николай выбрался из запыленного авто и, поднявшись по ступеням на крыльцо, закурил.

Мысли продолжали крутиться вокруг таинственного незнакомца. Наконец, докурив свой «Казбек», старший лейтенант щелчком отправил окурочок в урну и прошел в свой кабинет, где, предварительно закрыв дверь изнутри, сел писать рапорт на своего начальника. Изложив все известные ему факты нарушения социалистической законности со стороны начальника районного управления НКВД, Николай поднял взгляд на часы. Почти час просидел за рапортом.

Теперь надо как-то передать написанное адресату, минуя почту. Поставив число и подпись, Николай вздохнул. Придется или самому по какому-либо поводу ехать в Уфу, или отправлять туда надежного человека. А пока, запечатав рапорт в конверт, Николай засунул его под дно массивного сейфа, стоящего в углу кабинета. Береженого, как говорится, бог бережет. Теперь достать конверт можно лишь с помощью длинной спицы или передвинув сейф, а для последнего нужен человек пять не меньше. Прodelав эти манипуляции, Николай решил съездить на лодочную станцию. Возможно, неизвестный пловец уже очнулся, и будет возможность с ним поговорить.

Выглянув в окно, Николай окликнул сидящего на лавочке водителя и попросил приготовить к поездке мотоцикл. Спу-

стоя полчаса, закончив свои дела в управлении, он выехал из ворот гаража, газанул и, поднимая клубы пыли, помчался вдоль по улице. Еще на полпути к лодочной станции заметил впереди на дороге идущую туда же сестру, которая несла в одной руке бидончик, а в другой – узелок.

– Танька, куда это ты направилась? – Николай лихо затормозил рядом с сестрой и заглушил двигатель.

– Тыфу на тебя, Колька, – Татьяна шутливо замахнулась на брата узелком, – напугал. Сам же велел присматривать за гостем у дяди Феди. Вот туда и иду, а заодно щи им сварила и лепешки испекла. И Михаила, и дядю Федю накормлю.

– Значит, очнулся гость? Успела познакомиться? – И, подмигнув сестре, прищурившись, с улыбкой сказал: – А брату так обеды не носишь.

– Да ну тебя, – покраснела Татьяна, – ты вон какой здоровый лось, а там человек раненый, ему кушать надо и сил набираться.

– Ладно уж, сердобольная, садись, подвезу. Сам туда еду. Тоже познакомиться хочу.

Интерлюдия

Татьяна

Когда брат попросил ее приглядеть за раненым товарищем, да еще сказал, чтобы об этом помалкивала, Татьяна сильно удивилась. Почему раненого не везут в больницу, где

есть врачи? Почему нельзя о нем никому рассказывать? Однако женское любопытство взяло верх, и девушка, собрав в собственноручно сшитую брезентовую сумку бинты, йод и гостинцы для дяди Феди, отправилась на лодочную станцию, где и находился раненый.

Дядя Федя был единственным их родственником, двоюродный брат матери, умершей в 1930 году от болезни, как раз когда брата Колю направили по комсомольскому призыву на службу в ОГПУ. Таня осталась совсем одна. Их отец, красный командир, погиб во время войны с белополяками в 1920 году, и она его совсем не помнила. Мама воспитывала их с братом одна, и вот ее не стало. Николай учился на курсах и не смог приехать даже на похороны. Хорошо, что кто-то смог известить о случившемся дядю Федю, и он приехал в Уфу, чтобы забрать ставшую сиротой 11-летнюю Таню. Так она оказалась в маленьком городке Белорецке, уютно расположившемся в окружении красивых уральских, поросших густым лесом гор. А вскоре и брат Коля смог сюда получить назначение.

С самых малых лет Таня была самостоятельной, помогала матери по хозяйству, а сейчас фактически стала хозяйкой в доме. Поначалу было очень тяжело, но она справилась. И в школе училась на отлично, и хозяйство успевала вести на зависть всем. А еще ходила с подружками в лес. В конце мая и начале июня рвали на лесных полянках вкусную траву кис-

лянку⁷, из которой получалась замечательная начинка для пирогов, да и так трава была очень вкусная. Летом девушка ходила за ягодами, чуть позже – за грибами, которыми были богаты окрестные леса.

Когда брат получил назначение в Белорецк, стало полегче. Он и пайки приносил, и денежное довольствие. Так они и жили в доме дяди Феди. Сам же дядя Федя перебрался на лодочную станцию, где у него была своя каморка, в которой он постоянно проживал.

Год шел за годом, и Татьяна из нескладной худенькой девочки превратилась в настоящую красавицу. Высокая, стройная, с волнистыми темными волосами и выразительными карими глазами, она привлекала внимание парней. Вот только ей никто из тех, кто набивался в ухажеры, не нравился. Да и некогда ей было с парнями гулять. Домашние хлопоты, учеба отнимали все ее время.

Учиться Таня любила. И это тяга и любовь к знаниям позволили ей с отличием окончить десять классов школы и поступить в медицинское училище на медсестру. Стать врачом было Таниной мечтой с самого раннего возраста, и медицинское училище стало лишь первой ступенькой к ее осуществ-

⁷ Кислянка (горец альпийский, златоустовская кислица, таран горный, башкирская капуста, камызлык (*баш.*)) – многолетнее травянистое растение семейства гречишных. На Южном Урале кислянка – одно из наиболее популярных дикорастущих растений. В пищу употребляют стебель, который богат витаминами С, яблочной и щавелевой кислотой, предварительно очищая его от верхнего отвердевшего слоя. На вкус очень похожа на молодые стебли щавеля.

лению. В этом году данная ступенька была успешно пройдена. В следующем девушка твердо решила поступать в медицинский институт в Уфе на кафедру оперативной медицины, а пока, по совету преподавателей медучилища, поработать год в больнице, набраться опыта.

Своего подопечного, за которым просил присмотреть брат, Таня увидела лежащим без сознания на топчане, перевязанного хоть и достаточно старательно, но кривовато, некогда чистой, а теперь окровавленной тряпицей. Пришлось менять повязку, а заодно осмотреть голову пострадавшего. На первый взгляд ничего особенного не было, рассеченная в двух местах кожа и здоровенная шишка прямо на макушке. Но это все лишь то, что было видно, а что там внутри, оставалось лишь гадать. Как говорил им преподаватель в медучилище, голова – штука темная и до конца не изученная. Будем надеяться, что ничего страшного нет.

Таня вздохнула и, стараясь потише греметь умывальником, нет-нет да и посматривала украдкой на дяди Фединоного постояльца. Молодой красивый парень лет 25, высокий, со спортивным телосложением. А еще она обратила внимание на часы на его руке. Красивые, необычные и, наверное, дорогие, с секундной стрелкой, с окошечком, показывающим число и день недели. Вот только этот самый день недели они показывали неправильно. Сегодня было воскресенье, а на часах – суббота. Может, сломались? А еще на циферблате часов было изображение такой же эмблемы, как у брата на

рукаве. Щит и меч.

– Ну что, Танюша, как он? – спросил дядя Федя, когда она вышла из каморки.

– Похоже на сотрясение мозга, поэтому и в себя не приходит. Я ему раны на голове обработала и перебинтовала. Его бы в больницу надо.

– Ничего, отлежится. Он молодой, крепкий, так что выдюжит. В гражданскую, бывало, и не с такими ранами выживали. Ты, дочка, только о нем помалкивай. Тут дело серьезное.

– Да я понимаю. – Таня вздохнула и бросила взгляд на дверь, из которой только что вышла. – Ладно, дядя Федя, пойду я. Завтра по утру забегу проведать.

На следующий день она приходила дважды, принесла кое-что из одежды, а вот на третий немного задержалась дома, помогала соседке бабе Нюре. Когда уже спускалась по дороге к лодочной станции, то навстречу выехала подвода, на которой ехали дядя Федя и завхоз. Поздоровавшись с ними и перекинув-шись парой фраз, Таня поспешила к своему пациенту. И, как оказалось, не зря.

Девушка привычно распахнула дверь в каморку и увидела его, стоящего в одних трусах возле умывальника и рассматривающего себя в зеркале. Щеки мгновенно запылали жаром, и она, пискнув «Ой, здрасте», выскочила за дверь. Быстро переведя дух, крикнула через дверь, что одежда на стуле и что она подождет, пока товарищ оденется. А потом они пили чай и разговаривали. Михаил, как оказалось, почти

ничего не помнил. Даже какой сейчас год позабыл.

А сегодня Таня сварила вкусные щи из свежей капусты и напекла лепешек. Ей очень хотелось, чтобы именно Михаил оценил ее стряпню, хотя и боялась сама себе в этом признаться. С самого первого раза, когда она его увидела, лежащего без сознания, Татьяна думала лишь о нем. Было в парне что-то такое, что притягивало к себе. Что-то необычное, загадочное. И, идя по дороге на лодочную станцию, Таня не переставала думать о Михаиле. Она настолько погрузилась в свои думы, что аж вздрогнула от вопроса.

– Танька, куда это ты направилась?

Брат Колька, сидя на мотоцикле и улыбаясь, смотрел на нее, чуть прищурив глаза. А она и не услышала, как он подъехал.

– Ладно уж, сердобольная, садись, подвезу. Сам туда еду. Тоже познакомиться хочу.

Глава 2

Неожиданная встреча и арест

– Ну здравствуй, мил человек! Я гляжу, оклемался? – Цепкий, внимательный взгляд вошедшего, казалось, просвечивал насквозь, как рентген. А не прост этот дядя Федя, ой как не прост.

– Здравствуйте! А вы и есть тот самый дядя Федя, о котором Татьяна рассказывала и который меня из воды вытащил? Огромное спасибо вам за это! – Я смотрел ему прямо в глаза, не отводя взгляд.

– Х-хе! – усмехнулся вошедший. – Кому дядя Федя, а кому и Федор Тимофеевич. А кто-то и товарищем Матвеевым кличет. А благодарить не за что. Нешто можно человека бросить погибать. Ну а сам-то кто будешь?

– Шершнев Михаил. По батюшке – Андреевич. А больше ничего не помню, вы уж извините... – Я виновато развел руками.

– Не помнишь или говорить не хочешь? – Вновь пронзительный взгляд рентгеновских установок.

– Врать не хочу, товарищ Матвеев...

Пока решил обращаться к собеседнику так. Вдруг обидится на «дядю Федю», да и помнил из старых фильмов, что в это время те, кто не был близко знаком, именно так и гово-

рили.

– Часы твои?

– Мои, – кивнул я в подтверждение.

– Понятно. – Матвеев кивнул каким-то своим мыслям. – Тут ты прав, своим, – выделил он это слово, – врать не следует. Ну а меня тогда уж по батюшке величай.

– Благодарю, Федор Тимофеевич. Ну а вы меня просто Михаилом зовите.

– Ну вот и познакомились. – Хозяин прошел к столу, постукивая по полу своим костылем. – Давай-ка поснедаем чем бог послал, а потом чайку попьем да побалакаем. Может, что и вспомнишь. – Федор Тимофеевич чуть искоса посмотрел на меня, оценивая мою реакцию на его слова. Я лишь кивнул в ответ.

Прежде чем пить чай, Федор Тимофеевич подогрел принесенный Татьяной бульон и, налив его в глубокую тарелку, крошил туда немного хлеба.

– На-кось, похлебай жиденького. Тебе сейчас это на пользу будет. А я пока чай заварю.

Так мы и просидели несколько часов, беседуя. Федор Тимофеевич рассказывал о городе, об окрестных лесах и их богатствах, о рыбалке и исподволь нет-нет да и задавал какой-нибудь вопрос, надеясь, что смог заболтать меня, и я, расслабившись, о чем-нибудь проговорюсь. Прямо не сторож, а дознаватель. Или чекист. Поймав себя на этой мысли, я стал повнимательнее присматриваться к собеседнику. Ин-

интересный все-таки дядька.

Отвлек нас от разговора стрекот мотоциклетного мотора. К скамейке, на которую мы перебрались из душевой комнатки, лихо подъехал мотоцикл довольно архаичного вида, за рулем которого сидел человек в форме НКВД, а за его спиной, держа в одной руке бидончик и узелок, а другой обнимая за талию водителя, сидела Татьяна. Водитель двухколесного древнего монстра стянул с лица не менее древнего вида мотоциклетные очки, и я понял, что этому человеку солгать я не смогу.

Передо мной стоял Николай Александрович Сазонов, полковник КГБ в отставке, мой сосед на протяжении 25 лет с 1980 по 2005 год, когда мы с соседями провожали его в последний путь, а за его гробом несли больше десятка подушек с боевыми наградами (не боевые, юбилейные он называл висюльками и давно уже раздарил соседским мальчишкам, и большая их часть была у меня). Он был тем человеком, благодаря которому я стал тем, кто я есть. Именно он с 10-летнего возраста воспитывал меня, фактически заменив мне отца и мать. Своих детей у дяди Коли никогда не было, и он свой нерастраченный отцовский инстинкт использовал на мое воспитание.

Да, я рос, как говорят в моем времени, в неблагополучной семье. Родители толком никогда нигде не работали, и вся их энергия уходила на поиск очередной бутылки. Не знаю, как сложилась бы моя судьба, если бы не дядя Коля. Он застав-

для меня учиться в школе и проверял, как я сделал домашние задания, он ходил вместо моих родителей на школьные собрания, он провожал меня в армию и встречал после (родители, по-моему, даже не заметили моего двухлетнего отсутствия), он приезжал ко мне в часть на Присягу, он буквально силком заставил меня поступить в институт и успешно окончить его.

Прошедший всю войну на передовой, он был для меня непререкаемым авторитетом. Я как-то спросил дядю Колю, почему он приехал жить в наш маленький провинциальный городишко, на что он ответил, что здесь прошли его молодые годы, тут он хотел бы и остаться навеки, когда придет его час. Да и по долгу службы слишком многим он оттоптал мозоли в Москве и в Питере.

С самого раннего возраста моим любимым занятием было рассматривать альбомы со старыми фотографиями и слушать рассказы отставного полковника. И тут меня прошиб холодный пот. Я вспомнил те самые фотографии. На большинстве из них был молодой дядя Коля, точно такой, как сейчас он стоял передо мной, но на паре фото он был рядом с красивой девушкой, своей сестрой, погибшей смертью храбрых зимой 1941 года.

Ее долгие годы считали пропавшей без вести, и только в 1965 году дядя Коля смог установить судьбу сестры, совершенно случайно прочитав в газете статью, посвященную 20-летию Победы, с воспоминаниями ветерана, в которых он

описывал подвиг военфельдшера Татьяны Сазоновой, бросившейся со связкой гранат под немецкий танк, прорвавшийся к палаткам медсанбата, и тем спасшей всех от неминуемой гибели. Еще несколько лет потребовалось на то, чтобы сестру дяди Коли наградили орденом Красного Знамени посмертно. А сейчас Татьяна, та самая девушка, которая мне очень понравилась, стояла рядом со своим братом живая и здоровая и с тревогой смотрела на меня.

Видимо, я сильно изменился в лице, потому что она, всунув свою поклажу в руки брата, слегка обалдевшего от вида моего моментально побледневшего лица, бросилась ко мне.

– Михаил! Что с вами?! Вам плохо?!

И столько тревоги и заботы было в ее голосе, что я невольно подумал, что хотел бы, чтобы это мгновение длилось вечно. Внезапно пришло осознание того, что я ОБЯЗАН сделать все, чтобы Татьяна избежала своей судьбы. Я НЕ ХОЧУ ЕЕ ТЕРЯТЬ!!! С этого момента моя война началась!

– Все в порядке, Таня. Не волнуйтесь. Просто вдруг что-то голова закружилась. – Я встал со скамьи и, пытаясь перебороть сковавший горло комок, чуть слышно произнес: – Здравствуйте, Николай Александрович!

А в глазах стояли слезы. Слезы от того, что вижу живым, здоровым и молодым самого дорогого для меня человека.

– Ты меня знаешь? Мы где-то встречались? – удивленно поинтересовался Татьянин брат.

– Знаю. Нет не встречались. Ответьте на один вопрос: вы

уже написали рапорт на своего начальника?

Про рапорт, который спас его, дядя Коля рассказывал мне там, в будущем. Зашел у нас как-то разговор про репрессии. Вот он и рассказал, как приехали арестовывать его начальника, да всех заодно и прихватили как соучастников, так как никто не докладывал о контрреволюционной деятельности уже бывшего начальника районного управления НКВД. Тогда-то дядя Коля и поведал о давно написанном рапорте, спрятанном под тяжелым сейфом, который не было возможности отправить. Усилиями нескольких человек сейф сдвинули, нашли запечатанный пакет, вскрыли, а там в рапорте – подпись и дата. Так и удалось избежать ареста.

– Откуда ты узнал про рапорт? Я его буквально только что написал...

С обалдевшего лица можно было писать картину.

– Я даже знаю, что сейчас этот рапорт лежит под сейфом.

– Но откуда?! – Николай почти кричал.

Я посмотрел на всех троих и, вздохнув, ответил:

– Ты мне об этом рассказывал. Через много-много лет.

Теперь картину можно было писать уже со всех троих. С Николая – крайнюю степень удивления, с Татьяны – непонимание, а с Федора Тимофеевича – удовлетворение какими-то своими мыслями.

Я снял с руки часы и протянул Николаю (при всем моем уважении, но тот молодой парень, что стоял передо мной, на имя-отчество пока не тянул).

– Не видишь здесь ничего необычного?

– Да видел я твои часы уже, – сознался Николай. – Часы как часы, разве что сами по себе необычные. Так я на курсах у одного инструктора видел не хуже, швейцарские.

– Ты гравировку сзади внимательно читал? – Я кивнул на его руку с часами. – Ни на что не обратил внимания?

– Дата! – Николай аж встрепенулся. – Я подумал, что кто-то ошибся и год дважды написал.

– Нет, не ошибся. Эти часы мне коллеги по работе пода-рили на пятидесятилетие в 2020 году.

– Так ты из будущего? – с усмешкой спросил Николай. – Я тоже читал Уэллса «Машину времени».

– Никакой машины времени нет, – вздохнул я. В общем-то надежды на то, что мне сразу поверят, и не было. – Я сам не понимаю, как попал сюда. Отмечали здесь, на лодочной станции, день рождения коллеги, пошел под утро искупаться и, если кратко, нырнул там, а вынырнул здесь, да еще и головой ударился.

– И, видать, сильно ударился, – задумчиво глядя куда-то вдаль, произнес Федор Тимофеевич.

– Да, я все понимаю, – со вздохом произнес я. – Сам бы не поверил, если бы кто мне такое сказал. Но откуда тогда я знаю про рапорт и про то, где он спрятан? Могу рассказать вам о вашем прошлом, но тут вы возразите, что я мог подробности узнать от других людей. А знаете, давайте я вам расскажу о событиях ближайшего будущего. Это произойдет

очень скоро, и легко будет проверить.

Например, 22 августа первым заместителем наркома внутренних дел будет назначен Лаврентий Павлович Берия, а 23 ноября он станет наркомом. 29 сентября в Мюнхене будет подписано соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией, которое впоследствии получит название «Мюнхенский сговор». Это соглашение предусматривает передачу Чехословакией Германии Судетской области. Вскоре Польша потребует и получит себе Тешинскую область. В СССР 24–25 сентября 1938 года советские летчицы Валентина Гризодубова, Полина Осипенко и Мария Раскова на самолете «Родина» совершат дальний беспосадочный перелет из Москвы в поселок Керби на Дальнем Востоке, пролетят свыше шести тысяч километров и установят женский рекорд дальности полета. В самом конце маршрута у них откажет связь и начнется обледенение. Их найдут через десять дней после приземления, а еще через два месяца всем троим присвоят звание Героя Советского Союза и наградят орденами Ленина. Кто-то сейчас может предугадать эти события?

– А у вас там, в будущем, что, еще и эликсир молодости изобрели? Не очень ты похож на пятидесятилетнего, – скепсис так и сквозил в словах Николая.

– К сожалению, не изобрели. Это еще одна загадка, почему я вдруг омолодился. И объяснить это я не могу.

– А на Марс вы полетели? Как в романе «Аэлита»⁸? –

⁸ «Аэлита» – фантастический роман Алексея Николаевича Толстого о путеше-

спросила молчавшая до сих пор Татьяна, держа в руках мои часы, которые буквально вытащила из рук брата, чтобы посмотреть на гравировку.

– Нет, не полетели, – сказал я с сожалением. Как знать, сохранись Советский Союз, сумей мы избежать таких страшных жертв в годы войны, и, может, уже цвели бы на Марсе яблони. Антоновка. – Хотя автоматические станции-марсоходы там есть. Не наши, американские. Но первым человеком в космосе был наш, советский человек, Юрий Алексеевич Гагарин. 12 апреля 1961 года он совершит первый в мире пилотируемый космический полет вокруг Земли. За четыре года до этого, в 1957 году, СССР запустит в космос первый искусственный спутник Земли. Первые автоматические станции для исследования Луны, Марса и Венеры тоже будут советскими, а вот на Луну первыми и единственными высадятся американцы в 1969 году.

– А коммунизм вы построили? – Глаза Татьяны горели восторгом.

Вот как сказать этой чистой девочке, верящей в светлое будущее, что мы все то, за что они боролись, отдавали свои жизни, все их достижения попросту спустили в унитаз? Что Советского Союза больше нет. Что Россия в XXI веке полностью зависит от других стран. Что мы живем лишь за счет тех средств, которые перепадают нам от продажи ресурсов за границу.

– Думаю, что об этом мы поговорим позже, когда вы мне окончательно поверите, – ушел я от ответа, что не осталось незамеченным тем же Федором Тимофеевичем. Однако он промолчал.

– Ну хорошо, – с прищуром глядя на меня, сказал Николай, – допустим, ты действительно из будущего. Но тогда тебя срочно надо доставить к товарищу Сталину. Ты же можешь принести огромную пользу стране со своими знаниями о будущем.

– Об этом тоже еще рано говорить. Вначале должны произойти некоторые события в вашем, Николай, ведомстве. Вот после них и можно будет выйти на связь, но не с товарищем Сталиным, а с новым наркомом Берией. И у меня к вам троим огромная просьба, – я оглядел своих собеседников, – никому не рассказывайте обо мне и о том, что уже услышали. Этим вы себе заработаете огромные проблемы.

– Проблемы уже начались, – Федор Тимофеевич кивнул в сторону дороги в город, по которой, поднимая тучи пыли, ехала знакомая мне по старым фото и фильмам черная «эмка», а за ней, переваливаясь на кочках, не менее узнаваемая полуторка с сидящими в кузове людьми в форме. – Похоже, это по наши души. Ты, дочка, – обратился он к Татьяне, – давай-ка потихоньку, пока никто не видел, ступай домой, сиди там и ничего не бойся. Часы спрячь, чтоб не нашел никто, да помалкивай. Кто что спросит, говори, что он, – кивок в мою сторону, – сын моего сослуживца, приехал погостить,

да голову расшиб. Ну а ты, – уже ко мне, – скажешь, что твой батя со мной в Туркестане воевал в моем отряде и помер недавно от ран. Приехал ты из Пензы. Адрес мой тебе отец дал, завещал навестить бывшего командира.

– Да ладно тебе, дядя Федя, – Николай махнул рукой, – сейчас разберемся. Может, случилось что, и это за мной, чтобы ехать куда.

– Может, и так... – Федор Тимофеевич затянулся самокруткой. – А ты, дочка, все ж таки ступай да делай, как сказано было.

Татьяна юркнула за угол. Машины тем временем подъехали к нам, и из кузова полуторки бодро спрыгнули четверо в фуражках василькового цвета с малиновыми околышами и малиновыми пустыми петлицами, с винтовками с примкнутыми штыками в руках, а из эмки вальяжно вылез несколько грузноватый мужчина, тоже в форме НКВД, но с тремя шпалами капитана⁹ в петлице. По-хозяйски оглядевшись вокруг, он небрежным жестом надел фуражку и произнес:

– Вот и славно, что все в сборе. Не придется вас по одному искать.

– А что случилось, товарищ капитан? – спросил Николай.

– Да уже не товарищ я вам. Сдайте оружие, гражданин Сазонов. Вы арестованы за контрреволюционную деятельность и за связь с белобандитами и террористами. Ну и остальные тоже как члены банды и пособники.

⁹ Три шпалы в петлице в НКВД – капитан, в РККА – полковник.

– Может, все же объясните? – Николай спокойно расстегивал портупею.

– Ну отчего же не объяснить, объясню, хотя и не обязан. – Капитан с усмешкой посмотрел на своего бывшего подчиненного. – Твой родственничек, являясь связником банды, приютил у себя раненого белобандита и террориста, а ты этому потворствовал и помогал в контрреволюционной деятельности. Хорошо, что есть еще у нас преданные делу революции люди, которые и сообщили об укрывающемся здесь неизвестном.

– Но это же бред. Этот человек, – Николай кивнул в мою сторону, – сын боевого товарища Федора Тимофеевича, с которым он громил басмачей.

– А документы у этого человека имеются? – Капитан явно издевался. – Вот то-то и оно. Так что разберемся, а пока давайте без глупостей. Да, а где сестрица твоя? Ее тоже надо бы задержать и допросить как следует. – При этих словах лоснящаяся рожа капитана растянулась в глумливой улыбке.

– Сестру не трогай, – прошипел Николай, исподлобья глядя на своего начальника, – с нами разбирайся как знаешь, а про нее забудь.

– Ну, это мы поглядим. Будете посговорчивее – и ее не тронем, а не будете вы – так, может, она посговорчивее будет. Ради братца-то. – Капитан заржал, довольный своей шуткой.

А у меня от этих слов буквально потемнело в глазах. Я лишь представил, что этот тянет свои жирные руки к Татья-

не, и у меня, что называется, выбило пред охранители. Я ведь в частях КГБ не картошку чистил, а проходил реальную подготовку, хоть и не чета спецуре, но тоже кое-что умею.

Капитан сложился пополам и замер на земле в позе эмбриона. Краем глаза замечаю движение сбоку и ухожу в сторону. Выпад трехлинейки со штыком проходит мимо. Рукой чуть подправляю траекторию нападавшего, и он кубарем летит в одну сторону, а винтовка – в другую. Следующих двоих, не успевших среагировать, вырубаю двумя ударами, когда меня настигает окрик Николая.

– Михаил, прекрати!

Я чуть замешкался, обернувшись на него, и тут мне в лицо прилетел приклад винтовки от четвертого бойца. Яркая вспышка в мозгу – и темнота.

Сознание на этот раз включилось сразу, словно кто-то щелкнул тумблером «вкл.». Еще не открыв глаза, я услышал смутно знакомые голоса.

– Как думаешь, он оклемается? – спросил молодой голос.

– Да кто ж его знает. Танька говорила, что у него сотрясение мозга было, а тут еще прилетело. Семь дней уже в бесспамятстве, и сколько так пролежит, непонятно. Одно хорошо, на допросы его не таскают.

– Это да, повезло. Сволочь Зимин ему не простит. До сих пор, гад, боком ходит. Здорово его Мишка припечатал.

– Здорово-то здорово, но что дальше будет?

– А хрен его знает, дядя Федя. Зимин может под любую

статью подвести, а уж под контрреволюционную – так запросто. Эх, жаль, я не успел рапорт отправить. Там про его де-лишки все подробно описано... – Молодой голос вздохнул. – Как там Танька? Волнуюсь я за нее.

– Не ты один волнуешься, – было слышно, как старый вздохнул, – но думается мне, что ее не арестовали, иначе эта сволочь уже этим на нас давил бы.

В мозгу у меня что-то щелкнуло от имени Татьяны, и я вспомнил, кто я и где я, вернее, в когда я. И голоса обрели свои имена. Во рту запершило, и я захрипел сухим горлом.

– Ты погляди, очнулся, – с некоторым удивлением, но и с облегчением воскликнул Федор Тимофеевич. – Погодь-ка, парень, я тебе попить дам.

Моих губ коснулся край металлической кружки, и я жадно глотнул живительную влагу. Ощущение наждачной бумаги в горле прошло, и разгорающийся внутри пожар удалось унять.

– Давно мы здесь? – спросил я, утолив жажду.

– Да, почитай, неделю уж. – Федор Тимофеевич помог мне сесть. – Нас-то с Колькой каждый день на допросы тягают, все бумаги подписать заставляют. Да только хрен вот им. Я басмачей не боялся, а эту сволоту и тем более не испугаюсь. А теперь и за тебя возьмутся. Так что даже и не знаешь, радоваться тому, что ты очнулся, или горевать. Эта сволота Зимин тебе житья не даст, замордует. Ты его так приложил, что он чуть калекой не стал. И где только так драться научился.

– В армии, в частях госбезопасности, – на автомате ответил я, думая о своем.

То, что нынешнего начальника районного НКВД скоро арестуют, я знал из рассказов дяди Коли, но вот когда это произошло, я не помнил, или, вернее, просто не знал. А чтобы человека превратить в кусок мяса, много времени не надо.

Блин, и стоило проваливаться в прошлое, чтобы закончить жизнь на тюремной шконке? Ведь все мои знания просто пропадут впустую, история пойдет по своей накатанной колее и дотянет состав под названием Советский Союз до крушения. Надо что-то придумать и любыми путями выбираться отсюда. На свободе я смогу дать о себе знать тому же Берии, а там пусть хоть в подвал закрывают. Во всяком случае, я буду знать, что мои знания пошли на благо Родины. Конечно, хотелось бы погулять на свободе, пройтись по улочкам с Татьяной...

Так, стоп! Татьяна! Что с ней?!

– Что с Татьяной? Где она? – чуть было не вскочил я, однако резко закружившаяся голова этого не позволила.

– Ишь как вскинулся, – с усмешкой сказал Федор Тимофеевич. – Где твоя Татьяна, мы не знаем. Как она убежала, пока ты мордобоем занимался, так ее больше не видали.

– Во всяком случае, ее точно не арестовали, – вступил в разговор Николай, – иначе Зимин этим точно воспользовался бы и заставил нас все подписать. И я, скорее всего, под-

пишу, лишь бы сестру выпустили.

– Зимин – это начальник НКВД? – Николай молча кивнул на мой вопрос. – Его скоро должны арестовать, но вот когда, этого я точно не знаю. Так что надо продержаться до того времени. – И я пересказал историю с рапортом.

– Эх, дожить бы до того времени, – вздохнул наш старший сокамерник.

– Доживем, Федор Тимофеевич. Главное не подписывать ничего, – попытался я подбодрить его.

– Да ладно уж величать-то меня. Ты же вроде как говорил, что пятьдесят лет отметил, а значит, и меня постарше будешь. Да и нары, вот, вместе делим. Так что давай по имени, Федором называй.

– Спасибо, Федор. Тогда и ты меня Михаилом. – Я протянул ему руку, которую он крепко пожал. – Значит, поверил мне?

– Может, и поверил. Больно уж складно ты все рассказывал. Да и случится все, о чем ты предсказывал, уже скоро, так что поживем – увидим.

В этот момент за дверью послышались шаги. Федор, глядя на меня, приложил палец к губам и жестом показал, чтобы я лег. Окошечко в двери камеры открылось, и в нем показался, как я понял, охранник, который внимательно осмотрел камеру, потом зачем-то оглянулся назад и громким голосом произнес:

– Арестованные, получите обед. – И уже чуть слышно, ше-

потом: – Товарищ Сазонов, товарищ старший лейтенант, это я, Гареев. Я тут вам передачку от сестры вашей принес.

В окошечко протянулась рука с зажатым в нее довольно объемным узелком. Николай быстро метнулся к двери и, схватив узелок, передал его Федору.

– Ринат, это ты? Как ты здесь оказался, ты же в оперчасти должен быть? – Николай был удивлен самим фактом того, что кто-то принес им передачу.

– А мы с Левой Ковалевым специально проштрафились, вот нас сюда до особого распоряжения в наказание и отправили за задержанными следить, – хохотнул стоящий за дверью. – Лева завтра будет дежурить, так что новую передачку он пронесет.

– Ну спасибо тебе, Ринат, – растрогался Николай, – и за передачу, и за то, что веришь мне.

– Да не за что, товарищ старший лейтенант. Все наши верят, что вы и Федор Тимофеевич невиновны. Есть несколько подхалимов зиминских, которые ему в рот заглядывают, так тех мы в наши дела не посвящаем. Написали мы письмо в Управление в Уфу, чтобы разобрались в вашем деле по справедливости. Все подписались, никто не отказался. На днях туда верный человек поедет, вот с ним и передадим, чтобы на почте не перехватили.

– А что с Татьяной? Где она? – Судьба сестры волновала Николая больше, чем своя.

– Мы ее пока у моей родственницы, Алии Гарифуллиной

спрятали. Там пятеро дочерей, так что и не заметно, что одна прибавилась. Зимин приказал ее разыскать и к нему доставить. Ну мы и ищем. Ищем, ищем, да все найти не можем. Видимо, так и не найдем... – Ринат чуть слышно засмеялся. – Ваша сестра еще велела передать, что часы, вы знаете, какие, в надежном месте. Сказала, что без этого вы мне не поверите. И еще. Как ваш гость очнется, то пусть и дальше лежит и виду не подает, что в себя пришел. Зимин его на смерть забудет. Документы на вас он никакие не оформлял, так что вас вроде как тут и нет, на свободе вы и никто вас не арестовывал. А сейчас держите пайку и кушайте. Здесь на троих вам щец наваристых и каша.

– Ты б, мил человек, табачку принес, – взмолился Федор, который страдал без курева.

– Нельзя, Федор Тимофеевич, – проникновенно сказал Ринат. – Не дай Аллах, этот шайтан Зимин унюхает запах табака, и всем тогда плохо будет. Все дело можем загубить.

– Эх, – горестно вздохнул Федор, – ладно уж, потерплю.

В узелке оказался большой пирог с рыбой и круг жареной колбасы. Ничего вкуснее в своей жизни я не ел. После сытного обеда я почувствовал прилив сил: молодой организм восстанавливался быстро.

Мое истинное состояние удалось продержать в тайне еще пять дней. Все эти дни Федора и Николая выводили на допросы и пару раз даже ночью. После них они возвращались в камеру с кровоподтеками на лице, едва держась на ногах.

Особенно тяжело было Федору, который без своего костыля и так передвигался с трудом. И вот по прошествии пяти дней с того момента, как я пришел в сознание, настала и моя очередь. Кто и когда нас сдал, мы так и не узнали. Просто утром за мной пришли аж трое надзирателей, приказали завести руки за спину и повели наверх в один из кабинетов.

За столом, по-барски откинувшись на спинку стула, сидел сам Зимин.

– Что, падаль, допрыгался? – Он аж потер ладони от предвкушения мести. – Теперь пожалеешь, что на свет появился.

Прилетевший откуда-то сбоку удар в корпус я едва не пропустил, в последний момент чуть уклонившись, но все равно припечатали мне не слабо, и я сложился пополам, рухнув на колени. Через мгновение перед глазами появились носки до зеркального блеска начищенных сапог. Зимин наклонился и за волосы повернул мою голову лицом к себе.

– Ты, сука, сапоги мои вылизывать будешь, умоляя о пощаде. Ты у меня подпишешь все, что я тебе велю. Ты, гнида, сознаешься, что являешься агентом японской разведки и готовишь со своими подельничками покушение на товарища Сталина. – Он резким движением оттолкнул меня. – Сейчас тебя обработают как следует, а потом ты будешь как шелковый.

Торжество просто переполняло его. Я чуть слышно, дышалку все-таки сбили, просипел в ответ.

– Что ты сказал? – Зимин вновь наклонился надо мной,

все еще стоящим на коленях. — Уже готов сотрудничать?

— А вот хрен тебе, сволочь!

Я резким движением боднул головой его прямо в лицо и с удовлетворением услышал треск ломающегося носа. Зимин отпрянул и заверещал, как свинья на убое, ладонями схватившись за свое лицо. Сквозь пальцы обильно брызнула кровь. Все произошло настолько быстро, что трое его подручных не успели среагировать. Я тем временем перекатился вбок и встретил первого пришедшего в себя конвоира прямым ударом в челюсть. Странно, что руки мне перед допросом не связали. Конвоир опрокинулся на спину, а на меня бросились двое его коллег.

Хотя со времени моей службы в армии прошло уже три десятка лет, вбитые тогда навыки по рукопашному бою вспомнились сами собой. Одного резко ударил ногой в пах, а другого перехватил за руку и бросил через себя. Краем глаза заметил, как Зимин лапает кобуру, пытаясь достать оружие. А вот этого мне точно не надо. Подскочил к энкавэдэшнику и что есть силы ударил его под дых и тут же, подпрыгнув, ногой снизу в челюсть. Все, этот готов.

На шум в кабинет ворвались еще двое конвоиров. Вот тут мне пришлось тяжело. Впятером они начали буквально месить меня в углу. Я, сколько мог, отбивался от них, благо какая-то накатившая веселая злость позволяла держаться на ногах, но силы в любом случае были не равны. Насколько можно, закрылся руками, принимая удары со всех сторон. В

конце концов удар по голове погасил мое сознание. Последней мыслью было, что я в этом времени только и делаю, что получаю по голове да нахожусь в беспамятстве...

Голову мотает из стороны в сторону, а тело пронзает боль на каждой кочке. Это первое, что я почувствовал, в очередной раз придя в сознание. Попытался открыть глаза и не смог. По ощущениям вместо лица у меня какой-то ватный комок, который при этом дает о себе знать горячей пульсацией. Попробовал приподняться на локтях и застонал от пронзившей все тело боли.

– Тихо-тихо! Лежи, не вставай.

Вместе с голосом Федора смог, как сквозь подушку, слышать завывающий звук мотора. Похоже, куда-то нас везли. В этот миг из ушей словно вынули пробки, и звуки обрели яркость.

– Где мы? Куда нас везут? – чуть слышно хрипя, спросил я.

– Кончать нас везут, – без какой-либо обреченности, спокойно ответил Федор.

– Не разговаривать, контры! – тут же раздался окрик.

– А то что, до места не довезешь и тут пристрелишь? – усмехнулся Федор.

– Черновку проехали. – Это уже Николай. А голос хоть и не испуганный, но какой-то грустный. – Похоже, за Ахмерово везут, к ямам, где древесный уголь жгут. А дорожка-то для вас привычная, Никитин.

– Привычная, привычная. Много такой контры, как вы, в расход пустили, так что и косточек не осталось, – даже с некоторой гордостью в голосе сказал конвоир.

– Гад ты, Никитин, и преступник. Тебя судить надо.

– Не ты, бывший старший лейтенант, судить будешь. А за гада ты мне там, у ямы, еще ответишь. Здесь бы тебя порешить, да кузов мыть не охота.

В кузове воцарилась тишина, прерываемая подвыванием мотора полуторки.

Вскоре машина остановилась, и меня грубо выволокли из кузова. Только сейчас я понял, что руки и ноги у меня связаны, а то не мог сообразить, почему я их не чувствую. Туго затянули, гады, так и кровоток нарушить можно. Хотя, похоже, совсем скоро всему моему организму и так резко поплохеет. Жаль, глаза открыть не могу. Хоть разок бы еще взглянуть на свет божий.

– Ну что, куда их? Как в прошлый раз, или к другой яме оттащим?

– Да надо больно тащить их еще. Здесь кончаем да сбросим. А завтра сюда лесины привезут и завалят. Надо будет только их потом завалить дровами, чтоб не увидел никто. Я Фаридку предупредил, чтоб не любопытствовал, да ему и не впервой. Сделает со своими углежогам все в лучшем виде.

Невидимый мне Никитин говорил это все с таким деловым тоном, словно обсуждал не то, как будет уничтожать наши трупы, а какую-то несущественную мелочь.

– Ну что, контры, молитесь. Эх, жаль, товарищ Зимин приказал все сделать быстро, а то бы смертушка для вас как награда была, – сожаление так и сквозило в голосе палача.

Не успел еще невидимый мне Никитин закончить фразу, как откуда-то сбоку раздалась команда:

– Никитин, бросай оружие, и без глупостей!

– Гареев?! Ты?! У меня приказ товарища Зими́на! Да он тебя в лагерную пыль сотрет!

Откуда-то сбоку раздался выстрел, и кто-то пронзительно завизжал.

– Я сказал без глупостей! Твой Зимин через полчаса после вашего отъезда был арестован уфимскими товарищами как враг народа и троцкист. Так что бросайте оружие! У нас приказ в случае сопротивления открывать огонь на поражение.

Было слышно, как кто-то зло сплюнул и что-то тяжелое упало на землю. Нас развязали. Стоило лишь снять стягивавшие руки и ноги веревки, как я со стоном повалился на землю. Боль в затекших конечностях была адская. Рядом точно так же стонали Федор и Николай.

Нас напоили водой и помогли погрузиться обратно в кузов полуторки. Я наконец-то смог хотя бы ощупать свое лицо. Вернее, то, что когда-то было лицом. Теперь это на ощупь напоминало набитый ватой шар. Тем временем Гареев рассказывал Николаю о произошедших событиях.

Как оказалось, из Уфы отправили опергруппу, чтобы про-

известии аресты местного руководства НКВД и милиции. Слишком много жалоб было на их деятельность, и не только от простых граждан, но и от некоторых партийных организаций. Оперативников попытались под различными предлогами задержать в селе Серменево, что в 30 километрах от Белорецка, чтобы успеть замести следы, но надолго не получилось, тем более что сержант НКВД Ринат Гареев, узнав о прибытии туда опергруппы, со своим напарником, сержантом НКВД Ковалевым, верхами быстрым аллюром выехали навстречу. На полпути встретив оперативников, он обрисовал им картину и рассказал о нас, сидящих в камере в подвале.

Они успели буквально в последний момент. От одного из подручных Зимина узнали, что нас на машине повезли в сторону деревни Ахмерово. Так же верхами, напрямик через лес, взяв с собой еще двоих оперативников, они бросились нам на выручку. Ринат со смехом рассказал, что Зимин, показывая свое разбитое лицо, клялся оперативникам, что пострадал в рукопашной схватке с бандитами и лично своими руками уничтожил аж четверых.

На слух я понял, что подъехала подвода, на которую усадили, по-видимому, связанных несостоявшихся наших палачей, затем я услышал, как кто-то дал команду выдвигаться в город. Пока, переваливаясь на кочках, ехали обратной дорогой, Федор то и дело давал мне мокрую тряпицу, которую я прикладывал к глазам. В конце концов через узкие щелоч-

ки я смог наконец-то увидеть окружающий мир. Слава богу, оба глаза были целы. Николай сидел вполоборота и молча, в хмурой задумчивости смотрел в одну точку. Лицо его тоже было изрядно помято и было украшено синяками и кровоподтеками.

Я не удержался:

– Ну и рожа у тебя, Шарапов.

– Какой еще Шарапов? – встрепенулся Николай.

– Потом как-нибудь расскажу. Но рожа у тебя просто класс. Прямо красавчик.

– Ага. Это ты себя еще не видел, – хмыкнул Николай и через мгновение закатился громким смехом.

Переглянувшись с Федором, мы тоже присоединились. На нас троих напал просто дикий хохот. Нервное напряжение требовало выхода.

Полуторка резко остановилась, и из кабины выглянул командир со шпалой в петлице¹⁰.

– Что случилось?

– Отходняк, товарищ лейтенант, – ответил за всех Гарев. – Это пройдет.

Так с хохотом мы и доехали до города.

¹⁰ Лейтенант госбезопасности.

Интерлюдия. Николай

Сидевший перед Николаем человек с тремя шпалами капитана НКВД в петлицах устало помассировал себе виски и перевернул лежащий перед ним лист.

– Так все же, товарищ Сазонов, почему вы своевременно не информировали вышестоящее руководство о контрреволюционной и антисоветской деятельности вашего бывшего начальника?

– До недавнего времени я был полностью уверен в том, что Зимин честно выполняет свой долг. – Николай откашлялся. – Как только я убедился в обратном и собрал достаточно сведений, то сразу написал рапорт на имя начальника НКГБ Башкирской АССР. К сожалению, сразу отправить рапорт по назначению возможности не было, а по почте не рискнул из опасения, что его перехватят.

– Да, я ознакомился с вашим рапортом. Именно благодаря ему я с вами, товарищ Сазонов, беседую, а не веду допрос. Сразу скажу, что многие факты, изложенные в нем, были нам уже известны от других товарищей. Ваша же медлительность заслуживает серьезного дисциплинарного наказания. Думаю, что вам будет вынесен строгий выговор по партийной линии. Но сейчас не об этом. Расскажите о своих, так сказать, сокамерниках. Один из них – ваш дальний родственник, и к нему у нас вопросов нет. А вот другой очень

заинтересовал. По докладам он смог при аресте буквально как щенков раскидать нескольких вооруженных и достаточно хорошо подготовленных сотрудников, а потом во время допроса устроил форменное побоище. Что вы можете рассказать о нем?

В душе Николая боролись два «я». Одно требовало рассказать всю правду о путешественнике во времени, а другое всячески этому противилось. Собравшись с духом, он словно бросился головой вниз в холодный омут, приняв окончательное решение.

– Его зовут Шершнев Михаил Андреевич. Он сын однополчанина Матвеева Федора Тимофеевича. Его отец недавно умер, но перед смертью завещал сыну навестить бывшего командира. Приехал из Пензы. Уже здесь пошел поутру купаться, да кто-то сзади ударил по голове, забрал все вещи и документы, а самого сбросил в воду. Его едва успели спасти.

Эту версию они втроем обговорили, сидя взаперти в камере.

– Вы лично видели его документы и можете подтвердить его личность? – Взгляд капитана словно прожигал насквозь.

– Да, видел и подтверждаю.

Ну вот и все. Последние мосты сожжены, и пути назад нет.

– Ну что же, товарищ Сазонов, больше вопросов к вам нет. Пока, – капитан выделил слово, – можете быть свободны. В ближайшие дни в Уфе будет принято решение касаясь вас и усиления людьми вашего района. Но, как я думаю, вре-

менно исполнять обязанности начальника районного управления НКВД будете вы. Так что принимайтесь за работу и наведите здесь порядок. Постарайтесь оправдать оказанное вам доверие. Очень постарайтесь. И восстановите документы своему знакомому.

Глава 3

Откровенный разговор. Клад

Солнечный луч пробивался через занавеску и упорно мешал мне спать. Вот ведь напасть. Так и придется вставать. Но как же не хочется подниматься из мягкой и чистой постели. Тут я поймал себя на мысли, что в этом времени я первый раз просыпаюсь в нормальной кровати. Эх, хорошо. А то все либо жесткий топчан в каморке у Федора, либо не менее жесткие нары в камере НКВД.

После нашего спасения пришлось еще пару дней провести в ставшей уже чуть ли не родной камере до установления, так сказать, личности. Правда, эти два дня провел даже с некоторым комфортом. Выдали и матрас, и пару одеял, и медицинскую помощь оказали. Пришедший доктор лишь покачал головой, глядя на мою физиономию, больше похожую на реквизит из фильма ужасов, и намазал ее какой-то вонючей мазью, посоветовав не стирать ее, пока не впитается. Потом уже Ринат Гареев, наш спаситель, принес какое-то снадобье, как он сказал, народное, но от этого не менее вонючее.

Как бы там ни было, но к моменту выхода на свободу лицо приобрело вполне человеческий вид. Во всяком случае, встречные прохожие хоть и оборачивались вслед, но не шарахались в стороны. Так не спеша, в сопровождении Федо-

ра и Рината доковыляли до довольно большого пятистенка с высоким каменным полуподвалом и широкими воротами, за которыми оказался просторный двор с надворными постройками. В мое время на этом месте частных домов уже не было. Где-то примерно здесь будет стоять детский сад. Или теперь уже не будет?

Пока тихим ходом шли до дома Федора, в котором мне выделили для проживания целую комнату, как выразился Николай, чтобы на виду был, я жадно смотрел по сторонам, пытаюсь угадать, где и что будет построено в будущем. Помогали оставшиеся в ХХI веке ориентиры: водонапорная башня, Башкирская гимназия, в этом времени – педагогическое училище. Ориентируясь по ним, более или менее смог определиться.

Конечно, город изменился за прошедший век, но оставался вполне узнаваем, а заводской гудок был таким родным, что, прикрыв вдруг заслезившиеся непонятно из-за чего глаза, я ощутил себя дома. Дом, теперь мой дом здесь. И моя задача – сделать так, чтобы этот дом был как можно более крепким.

Откуда-то донесся умопомрачительный запах чего-то вкусного и домашнего. Бросил взгляд на часы. Почти 8 часов утра. Пора вставать. Судя по звукам из кухни, Татьяна уже давно на ногах. Вчера, когда меня привели в этот дом, она первым делом принялась осматривать раны и синяки и тоже намазала их какой-то мазью. Похоже, это уже входит у

всех в правило – мазать мою физиономию разными вонючими субстанциями. Потом мы с Федором были накормлены вкуснейшим ужином и напоены чаем с лепешками. Чуть погодя вернулся Николай, и мы там же, на кухне, продолжили нашу, начатую еще в камере беседу.

– Я так думаю, что пришло время поговорить обстоятельно и в спокойной обстановке. – Николай, чуть склонив голову, внимательно посмотрел мне в глаза.

Как же хорошо я помнил этот его взгляд. Еще там, в моем времени, это означало только одно: говорить придется правду и только ее. Да и не было желания у меня врать.

– Я тоже так думаю. Пора поговорить. В первую очередь вам нужно знать, что скоро начнется война. 22 июня 1941 года Германия без объявления войны нападет на СССР. Война будет страшная. Немцы дойдут до самой Москвы и только благодаря неимоверным усилиям будут отброшены от столицы. И не надо лапать кобуру, – на всякий случай предупредил я Николая, рука которого непроизвольно опустилась на оружие. – Пристрелив меня, ничего не изменишь.

– А с тобой, стало быть, изменишь? – глубоко затянувшись самокруткой, спросил Федор.

– Со мной больше шансов что-либо изменить. Во всяком случае, если в ходе войны мы потеряем не почти тридцать миллионов человек, а хоть на чуток меньше, то можно будет сказать, что жизнь прожил не зря.

– Сколько?! – одновременно вскричали оба моих собесед-

ника, вставая при этом из-за стола. Почему-то показалось, что сейчас меня будут бить.

– Тридцать! Миллионов! Человек! – с нажимом разделяя слова, четко проговорил я. – И большинство из них – это мирные жители.

Николай с Федором с минуту молча мерились взглядами, словно решая, что им делать с этим пришельцем из будущего, которое оказалось не таким уж и радостным, а потом все так же молча уселись обратно. Федор мотнул головой куда-то в сторону печки, и Николай, перегнувшись через спинку стула, достал откуда-то довольно объемную бутылку с прозрачной жидкостью и плотно притертой деревянной пробкой. Тут же на столе появились три граненые стопки. Разлив в каждую до верха, Федор молча расставил стопки перед каждым. Так же молча выпили крепкий и прозрачный как слеза самогон. Огненная жидкость прокатилась по пищеводу и растеклась пламенем по сосудам. Как по волшебству, в руке появился кусок черного хлеба со шматом сала сверху. Обведя нас взглядом, Федор разлил по второй. Выпили, закусили. Николай выложил на стол коробку с «Казбеком» и кивком предложил угощаться. Федор взял папиросу, а я воздержался. В том времени я все никак не мог бросить курить, так что здесь даже начинать не буду. Кухня наполнилась клубами табачного дыма.

– Надо же что-то делать! – Николай с силой раздавил недокуренную папиросу в пепельнице. – Надо предупредить то-

варища Сталина, правительство.

– Ты серьезно думаешь, что Сталин не знал о вой не там, в моем времени? Ему докладывали об этом многие, называли различные даты, в том числе и точную, но он до самого начала войны не верил. Он до последнего надеялся, что немцы не посмеют нарушить подписанный ими Пакт о ненападении. Надеялся оттянуть начало войны и успеть провести перевооружение армии. – Я вздохнул. – А скольких из тех, кто докладывал о сроках начала войны, отправили на лесоповал, а кого-то и расстреляли как паникеров. Так что не поверит товарищ Сталин ни вам, ни мне, пока не убедится в точности моих сведений.

– И что ты предлагаешь? – спросил Николай.

– Я предлагаю для начала выйти на Берию. Он вскоре станет наркомом и правой рукой Сталина. Если мне поверит Берия, то и Сталина убедить будет значительно легче. – Я непроизвольно взял из коробки папиросу, покрутил ее в пальцах и медленно положил обратно. Раз уж решил, то не надо и начинать. – Я напишу несколько писем с подробным описанием ближайших событий. Первое будет анонимным, и от того, какой будет реакция на написанное, зависит дальнейшее сотрудничество. Либо я открою свою личность, либо я и дальше буду отправлять анонимные послания. Нужно только определиться с каналом доставки писем. Глупо все их отправлять отсюда.

– Ну, с тем, откуда письма отправлять, мы определимся.

В крайнем случае придется задействовать для этого того же Гареева. Он товарищ не болтливый и лишних вопросов задавать не будет. Оформлю ему командировку в ту же Уфу, оттуда и отправим. – Николай принимал решения, как всегда, быстро. – Сам-то чем думаешь заниматься?

– Есть у меня кое-какие мысли. Хочу построить вертолет, или, как его еще называют, геликоптер. Сейчас работы над такими машинами ведутся в Германии и Америке. В будущем эти машины станут основой армейской авиации и будут осуществлять как непосредственную воздушную поддержку войск на поле боя, так и десантные, транспортные и спасательные операции. В общем, незаменимая, а в ряде случаев – единственно способная выполнить задачу винтокрылая машина.

– И ты сможешь это сделать? – разливая по стопкам содержимое бутылки, спросил Федор.

– Уверен, что смогу. Опыт кое-какой в этом есть. Тут главная проблема – это двигатель. Может, понадобится помощь в выходе на местный аэроклуб. Они должны знать, где можно раздобыть хотя бы не до конца убитый двигатель от У-2. Ну и чертежные принадлежности понадобятся. А то у меня вообще ничего нет.

– С чертежными принадлежностями я тебе помогу. Есть у нас на службе такие. Конфисковали пару лет назад, да так и лежат, пылятся. А вот с двигателем – это да, надо на Осо-

авиахим¹¹ выходить. – Николай взял протянутую ему стопку, вторую пододвинул мне. – Ну, за авиацию!

Я от этой фразы захохотал. Старший лейтенант в этот момент так был похож на генерала Иволгина из фильма «Особенности национальной охоты», что сдержаться не было сил. На меня уставились две пары недоуменных глаз. Проржавшись, я объяснил, что один знакомый генерал любил выдавать такие же емкие и короткие тосты и с точно такой же интонацией. Мои собутыльники лишь пожали плечами и, опрокинув в себя содержимое, смачно захрустели солеными огурчиками. Взвесив в руке бутыль с остатками содержимого, Федор вздохнул и убрал ее обратно за печь.

– А скажи-ка, мил человек, как вы там, в будущем, живете-поживаете? Как мы поняли, в войне все же победили?

– Всяко мы там живем-поживаем. Кто-то лучше, кто-то хуже. Кто – как у Христа за пазухой, а кто – в нищете. Войну мы, а вернее вы, выиграли, но мы проиграли мир.

Я опустил глаза. А что тут еще скажешь?

– Погодь! Это как это? – Федор подался вперед.

– А вот так! – Я посмотрел на Николая. – Ты пистолет положи куда подальше, а потом я буду рассказывать.

– Это еще зачем? – удивился он.

– Ты сделай, как говорю. Потом поймешь, зачем это.

¹¹ Осоавиахим – Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству. Советская общественно-политическая оборонная организация, существовавшая в 1927–1948 годах; предшественник ДОСААФа.

Николай пожал плечами, но свой ТТ из кобуры вытащил и, встав из-за стола, положил на полку.

– Ну, рассказывай, что там у вас в будущем такого страшного.

– СОВЕТСКОГО СОЮЗА БОЛЬШЕ НЕТ!

– ЧТООО?!

Федор с Николаем оба вскочили на ноги.

– Да я тебя, контру!.. – Николай схватил меня одной рукой за грудки, а другой зашарил по пустой кобуре. Все же правильно я заставил его убрать подальше пистолет.

Откуда-то сбоку выскочила Татьяна и буквально повисла на брате.

– Колька! Немедленно прекрати! Сейчас же отпусти Мишу! Ишь, чего удумал!

Я невольно расплылся в улыбке. Мишу. Это из уст Татьяны прозвучало так тепло и по-домашнему. А как она храбро бросилась защищать меня от родного брата! В этот момент в себя пришел Федор и бросился между нами, оттесняя красного от бешенства Ни колая.

– Цыц, Колька! Он-то тут при чем?!

Ему все же удалось разжать стальную хватку племянника. Николай как-то даже сдулся и плюхнулся на стул.

– Как же так? Как же так? – бормотал он, глядя в пустоту.

– Подслушивала? – Федор строго посмотрел на Татьяну.

– Не хотела, да пришлось, – она даже взгляда не отвела, – вы же громко говорите. Тут не захочешь, так услышишь.

– Все, что слышала, забудь! – буквально печатая каждое слово, приказал Федор. – И чтоб ни одна живая душа даже намеком не узнала. Поняла? – Татьяна часто закивала головой. – Ну а ты говори дальше, раз уж начал, – кивнул он мне.

– Таня, может, не надо тебе это все знать? – Я искренне посмотрел на девушку. – Пойми, это такие знания, с которыми можно легко очутиться в самом глубоком подвале. Обладать ими опасно для жизни. Они, – я кивнул на Федора и Николая, – свой выбор сделали. Я бы не хотел, чтобы с тобой случилось что-либо плохое.

– Я понимаю, какая это ответственность и опасность! – Татьяна расправила плечи. – От меня никто ничего не узнает. Пусть хоть пытаются, я никому ничего не скажу.

Николай едва заметно хмыкнул. Уж он-то, может, и не знал лично, но точно догадывался, как можно заставить человека говорить. Я вздохнул. Ну что ж, каждый сделал свой выбор.

И я рассказал о Победе в 1945 году, о том, как новый руководитель государства, пришедший после Сталина, обвинил предшественника во всех мыслимых и немыслимых грехах, о последующих взлетах и падениях, о перестройке, разрушившей всю экономику, о 1991 годе, когда несколько предателей, наплевав на волеизъявление народа, буквально разорвали Союз на части, о снятом с флагштока Кремля красном знамени и поднятом триколоре, о лихих 90-х, когда страной правили фактически бандиты, о том, что в 2020-м на момент

моего ухода все наиболее значимые отрасли и предприятия находились в той или иной степени под контролем иностранцев.

К концу моего монолога мужчины сидели со сжатыми кулаками, а Татьяна платочком утирала слезы.

– Твою мать! – Федор едва не сплюнул на пол. – И бутылку убрал уже. Танька, подай-ка, там, за печкой.

Вкуса крепчайшего самогона, по-моему, ни Федор, ни Николай не почувствовали. Таким было потрясение от услышанного.

– И что теперь, все зазря? – Николай добела сжал кулаки.

– Ну почему зазря? Это история того, другого мира. Все, о чем я рассказывал, еще не произошло, и в наших силах многое изменить. Как поется в нашем пролетарском гимне, «мы наш, мы новый мир построим...». Вот мы и будем его строить! – как можно увереннее сказал я. Хотя, если честно, я даже не представляю, как повернуть эту махину под названием история на другие рельсы. И куда эти рельсы, в случае, если получится, приведут нас всех.

– Хороши строители, ничего не скажешь, – усмехнулся Федор. – Ну вы двое еще куда ни шло, я – увечный, да девчонка. Много мы такой артелью понастроим.

– Главное – начать, а там увидим.

Такой вот разговор состоялся у нас накануне. Засиделись допоздна. Моим собеседникам было интересно услышать о будущей жизни, о технике. Татьяна спросила, знаю ли я,

сколько они все проживут.

– Знаю, но не скажу. Тем более что про Федора мне ничего не известно. Я даже не знал о его существовании.

– Но почему? Ведь мы бы точно знали, что успеем сделать в жизни, а что нет.

– Ну вот представь себе, что тебе сказали, что ты проживешь сотню лет. Ты, уверовав в это, теряешь всякую осторожность, лезешь в самое пекло и в итоге вскоре погибаешь. Или, наоборот, тебе сказали, что ты через месяц умрешь. Ты запираешься дома, никуда не выходишь, ни с кем не общаешься и не совершаешь какой-то поступок, совершить который было тебе предначертано. И где-то кто-то, допустим, гибнет, у него не рождается ребенок, который должен был совершить великое открытие, спасшее все человечество. В этом вопросе все очень сложно, так что пусть все идет так, как должно, тем более что мир теперь будет меняться.

Поняла ли меня Татьяна? Надеюсь, что да. Во всяком случае больше таких вопросов не задавала. А с утра что-то вкусное кашеварит на кухне. Пора и мне прекращать изображать из себя приложение к матрасу и вставать навстречу новому дню и новой жизни.

– Ой, Михаил, доброе утро! – Улыбка Татьяны осветила кухню не менее ярко, чем утренний солнечный свет. – А я вот картохи свежей подкопнула и драников решила нажарить. Меня их готовить соседка баба Настя научила. Вкусные получаются.

– Доброе утро, хозяйюшка, – я невольно улыбнулся в ответ. – Что-то заспался я. Все уже по делам разбежались?

– Колька спозаранку на службу убежал, а дядя Федя в огороде картошку копать начал, пока погода стоит хорошая.

Федор действительно нашелся в огороде, где, опираясь на лопату как на костыль, довольно проворно подкапывал густые кусты картофеля.

– Бог в помощь!

– Ага, помогает. Без дела сидеть не дает. – Федор с прищуром посмотрел в мою сторону. – Отоспался чуток?

– Есть такое дело. Сам не ожидал, что столько просплю. Обычно привык рано вставать, а тут вот... – Я развел руками как бы извиняясь.

– Ну так оно и понятно. После нар выспаться – это первое дело, да еще в баньке попариться. Ты, Миша, как насчет баньки-то?

– Всегда за. Правда там, – я мотнул неопределенно головой, – в последнее время особо не парился, сердечко пошаливать начало, а вот раньше, что называется, от парилки за уши не оттянешь.

– Так сейчас у тебя с сердечком все в порядке, вон какой молодой лось, так что сегодня к вечеру попаримся. Сейчас Танька выйдет, мы с ней картоху, сколь успеем, подкопнем, днем на свою бывшую работу съезжу – и истоплю. А то и сами тут займитесь баней. Где и что находится, тебе Танька объяснит.

– А я на что? Неужто в стороне останусь? Так что давай, определяй мне фронт работ. Тебе самому-то как, копать или собирать удобнее?

– Мне удобнее на завалинке сидеть да на молодых покрывать, – Федор засмеялся, – но лучше я копать буду, а вы вдвоем собирайте. Да где ее черти-то носят? – Он слегка прикрикнул, чтоб в доме слышать было.

– Она драники затеяла пожарить. Говорит, вкусные будут... – Я невольно сглотнул слюну, вспомнив аппетитный запах на кухне.

– Нет, ну ты погляди! – усмехнулся Федор. – Эка она для тебя-то расстаралась.

– Это почему для меня? – не понял я, но Федор лишь хмыкнул и махнул рукой.

Картошку копать начали вдвоем. Где-то через полчаса нас позвали в дом завтракать. Драники были чудо как хороши. Федор ел, нахваливал и бросал насмешливые взгляды то на меня, то на племянницу, от которых она краснела. Только успели поесть и выпить по кружке чая, как под окнами остановилась телега, в которую была запряжена лошадка меланхоличного вида.

– Дядя Федя! – С телеги спрыгнул парнишка лет пятнадцати и заорал на всю улицу.

– Чего тебе, оглашенный? Я же велел в обед приехать. – Федор высунулся по пояс в открытое окно.

– Мне батя велел после обеда в леспромхоз ехать за срез-

ками, так что давай сейчас тебя отвезу, а то потом никак не смогу.

— Эх, ладно, иду. — Федор подхватил костыль и кряхтя встал с лавки. — А вы, молодежь, тут уж сами хозяйствуйте. Я до вечера задержусь. Картоху копайте, да про баню не забудьте.

После ухода Федора Татьяна быстро помыла посуду, и мы вдвоем вышли в огород. За шутками и рассказами Татьяны о жизни в городе время летело незаметно и работа спорилась. Примерно часа через полтора от изгороди раздался довольно красивый певучий голос:

— Ой, Танька, а кто это у вас тут? Никак постоялец какой, али еще кто?

У забора стояла красивая статная девица с внушительным бюстом, который всячески старалась подчеркнуть, и с глазами, как говорят, с блядинкой.

— Здравствуйте, — увидев, что я обратил на нее внимание, девица расплылась в улыбке до ушей.

— День добрый, — только и успел произнести я, как в разговор вступила Татьяна, при этом едва не шипя как кошка.

— Чего тебе, Зинка? Иди куда шла и не мешай людям работать!

— Так я, может, до вас и шла. Вот с постояльцем вашим познакомиться да за покупками в наш коопторг пригласить. Может, ему папиросы надо, а у нас только завоз был. Да и другого чего для мужчин есть... — При этих словах бюст за-

метно колыхнулся.

– Благодарствую, но папиросы мне без надобности, – поспешил я ответить, так как видел, что Татьяна готова буквально взорваться, – не курю я. Ну а насчет остального, то там видно будет. Может, и зайду что прикупить.

– Так вы заходите. Любого спросите, где наш магазин находится, так вам скажут. Меня Зинаида зовут. А вас?

– Михаил, – я слегка кивнул головой.

– Так вы заходите, Михаил. Я вас буду ждать! – Зина победно улыбнулась и пошла вдоль улицы, выписывая бедрами так, что едва не снесла ими пробежавшего мимо пацаненка.

– Зинка-шалава, – зло прошипела Татьяна.

– Да не обращай на нее внимания, – махнул я рукой. – Любопытная она только очень.

– Ага, любопытная. Ни одного более или менее стоящего мужика мимо себя пропустить не может. Говорю же, шалава. – Моя напарница по сельхозработам просто пылала от праведного гнева.

– Ну вот видишь. Сама же говоришь, что стоящего, а я-то побитый весь, будто забулдыга какой. Глянешь, так чистый вурдалак.

– Да ты... ты... ты такой... вот... – Татьяна не нашла слов и замолчала, покраснев при этом.

– Да брось ты. Обычный я. Давай лучше еще парочку рядков выкопаем и баней займемся, а то Федор вернется, а мы ничего не сделали....

Федор вернулся ближе к вечеру, когда уже вовсю смеркалось, с какой-то веселой злостью. С подводы, на которой он приехал, к воротам полетели пара объемных тюков и свернутый матрас.

— Ты чего это разбушевался? — Я как раз вышел из бани, которую пропаривал перед помывкой.

— А все, уволили меня. Как только нас арестовали, так завхоз, вражина, своего родственника пристроил на мое место. Не ждал, что я вернусь. Думал все, в Сибирь меня упекут. Да вот хрен вот ему! — Федор, похоже, слегка принял на грудь. — Хотел было рожу ему раскатать в блин да потребовать свое место назад, но уж больно родственника его жалко. Нормальный вроде мужик, семейный. Плюнул я на них и расчет взял. Так что принимайте постояльца. Пару-тройку дней отдохну, по дому дела кое-какие переделаю и пойду в артель к Филиппычу устраиваться. Давно он меня уже к себе зовет.

— Да какой же ты постоялец, дядя Федя! — Татьяна выскочила на шум из дома. — Твой же дом, так что живи на здоровье. Я сейчас тебе в комнате постелю, а завтра сам выберешь, где тебе удобнее.

Баня удалась на славу. Федор совместно с пришедшим со службы Николаем в четыре руки исхлестали меня вениками так, что ноги не держали. Зато после, когда сидели, остывая, в предбаннике и пили ядреный квас, почувствовал себя как заново родившийся. Как говорил (или только еще скажет?) товарищ Сталин, жить стало лучше, жить стало веселее, то-

варищи.

Со службы Николай принес обещанные чертежные инструменты, логарифмическую линейку, пользоваться которой в свое время нас, оболтусов-студентов, научил старый преподаватель сопромата в университете, и десяток листов белой бумаги примерно нулевого формата. Качество бумаги, конечно, не очень, но на безрыбье сойдет и такая.

На следующий день я с утра попытался было помочь докопать картошку, но был изгнан с огорода со словами, что и так почти всю накануне выкопали, мне надо заниматься серьезными делами, а не в земле ковыряться. Тем я и занялся. И тут меня ждало первое и достаточно приятное открытие: оказывается, я прекрасно помнил все расчеты, что мы делали, когда строили вертолеты в моем будущем, все чертежи были будто бы перед глазами, а вся документация времен работы в Кумертау на вертолетном заводе тоже будто вчера прочитана. Нет, память не стала абсолютной, как у большинства попаданцев из книг, она стала ярче, что ли. Стоило слегка поднапрячь извилины, и в голове всплывало, казалось бы, давно забытое. И вот на лист ватмана (буду так называть) легла первая линия, а на отдельном листе появились первые строчки расчетов.

Я так увлекся, что пришел в себя, когда кто-то чуть заметно тронул меня за плечо. За моей спиной стояла Татьяна и с каким-то благоговением смотрела на не совсем ей понятные линии и столбики цифр. За окнами смеркалось. Это что

же, я весь день проработал? Только тут я почувствовал, насколько проголодался. Слона бы съел.

– Миша, идемте ужинать. – Татьяна с некоторой тревогой посмотрела на меня. – Вы так заработались, что обедать не смогли до вас достучаться.

– Так, Таня, во-первых, давай на ты, хорошо? – И, дождавшись кивка от девушки, сопровождавшегося радостной улыбкой, продолжил: – А во-вторых, в следующий раз не бойся меня отвлечь, а то я человек увлекающийся, могу так сутки напролет сидеть.

На то, чтобы восстановить в памяти и перенести на бумагу расчеты и чертежи «Птаха», ушло пять дней. В качестве силовой установки я собирался использовать двигатель М-11, какие устанавливали на самолеты У-2. По весу и мощности он практически не отличался от двигателя, снятого в свое время со старой «восьмерки» и приспособленного на нашу вертушку. Да и освоен хорошо этот авиамотор промышленностью.

Расположение пилота и пассажира оставил тандемным. В отличие от вертолета из будущего на проектируемом мной было сдвоенное управление, что позволяло проводить обучение пилотированию, и предусмотрена установка пары пулеметов. Заодно набросал эскизы следующей модификации, больше похожей на вертолет Сикорского R-4, только с возможностью принять на борт кроме пилота еще пять пассажиров или груз соответствующей массы. Если первый был

прототипом боевого ударного вертолета, то второй должен был стать прообразом транспортных и десантных машин.

И вот когда чертежи были закончены, я вдруг осознал, что в этом времени купить те же трубы и раздобыть сварочный аппарат практически невозможно. Во всяком случае мне как частному лицу. Да и покупать, собственно, не на что. Живу здесь на полном пансионе совершенно бесплатно.

И тут меня буквально пронзила мысль: а на какие средства, собственно, мы живем? Если только на денежное довольствие Николая, но не думаю, что оно настолько большое, чтобы содержать помимо себя еще троих взрослых людей. Федор пока не вышел на работу в артель, а у Татьяны возникли проблемы с трудоустройством в больницу: пока она пряталась, спасаясь от ареста, на обещанное ей место взяли другого работника. Конечно, главврач пообещал взять ее на работу сверх штата, но пока ничего не получалось. Так что вопрос денег встал очень серьезно. Пришлось даже поговорить на эту тему с Таней.

– Маловато денег, конечно, осталось, но ничего, до Колиной получки дотянем, – с оптимизмом ответила она. – Правда, маслица постного надо бы купить, но еще есть немного. Да и картошку выкопали, так что проживем. А не хватит, так у меня есть немного. Я себе на отрез на платье откладывала, так что при нужде возьму оттуда, а платье к весне сошью.

После этих слов я вышел во двор с пылающим от стыда лицом. Хорошо устроился, дармоед, сытно. На всем гото-

веньком. Люди в этом времени и так живут, мягко говоря, не богато, а тут еще я нарисовался. Захотелось буквально завыть от отчаяния. Прямо хоть иди и клад ищи срочно.

Клад? КЛАД!!! Черт, как же я мог забыть? Ведь когда-то давно, еще в годы моей юности, тетка, одна из старших сестер моей матери, а их в семье было 11 детей, рассказывала, как буквально сразу после войны она, восьмилетняя девочка, с подружкой ходила в лес за грибами и в распадке между камней нашла закопанный большой чугунок, доверху набитый золотыми монетами. Буквально за неделю до этого был сильный ветер, который повалил растущее рядом дерево, и корни выворотили из земли сокровище. Ну да им, детям, было невдомек, какую ценность они нашли, тем более что лукошки уже были полны грибов, а это куда более нужная вещь, чем какие-то желтые кругляшки. Ведь грибы можно съесть, а кругляшки невкусные. Взяли с собой по паре монет, чтобы похвастаться перед другими своей находкой, да пошли домой. Уже на следующий день монеты увидел отец и начал расспрашивать, где она их взяла. Со старшими сыновьями, прихватив соседа, с чьей дочерью она ходила по грибы, они перерыли в том распадке все, но ничего больше не нашли. Видно было, что кто-то побывал там раньше их. Как потом рассказывала тетя Валя, она променяла полный чугунок золота на лукошко грибов. А те две монеты, что она прихватила, очень даже им помогли. Времена были голодные, и

каждая копейка была на счету¹².

И ведь я знаю, где тот распадок. Тетя Валя, когда была еще в силах, любила ходить в лес и вот однажды показала мне то самое место, рассказав данную историю. Осталось как-то выбраться в лес и выкопать спрятанное. Надеюсь, что клад был зарыт задолго до войны, иначе все будет напрасно. Но если не сходишь, то и не проверишь. Решено, прямо завтра с утра и отправлюсь на прогулку в лес. Может, что и накопаю.

Во дворе что-то мастерил Федор, мурлыча себе под нос немудреный мотивчик. Наверное, надо его с собой взять, вот только озаботиться лошадью с телегой.

– Федь, ты как насчет по грибы сходить? – Я присел на стоящий рядом чурбак.

– Тебя чего это в лес потянуло? – не отрываясь от своей работы, спросил он. – Или грибов так захотелось? Так это тебе надо не со мной, а вон с Танькой идти. Она и места грибные знает. А из меня ходок, сам понимаешь, никакой. Да и веселей вам будет, – он хитро улыбнулся, – а то девка по нем сохнет, а он и ухом не ведет.

– В каком смысле сохнет? – Наверное, мои глаза стали размером с блюдца от удивления.

– Да в том самом, – уже откровенно заржал Федор. – Она же нас с Колькой такими разносолами отродясь не потчевала, а тут что ни день, то чего-нибудь стряпает. И смотрит на тебя, что тот телята на мамку. А ты все не замечаешь. Но

¹² Реальный случай.

смотри у меня, обидишь племянницу, так не посмотрю, кто ты и откуда.

– Ладно, с этим позже разберемся. Ты мне скажи лучше, сможешь лошадь с телегой раздобыть?

– Подводу-то? Это можно. У Пашки-соседа попрошу. А ты это сколь грибов надумал набрать, что для них подвода нужна?

– А тебя до леса и обратно что, за спине тащить? – я деланно удивился. – Подвода нужна, чтобы ты с комфортом ехал, да обратно, может, что привезти нужно будет.

– Хм. Загадками говоришь. – Федор внимательно посмотрел на меня. – Ладно, на утро с подводой договорюсь.

С утра пораньше, закинув в телегу на всякий случай лопату, выехали в сторону леса. Путь пролегал вдоль заводского пруда в сторону местечка Крутой Дол. Именно там и был тот самый заветный распадок. По пути начал расспрашивать Федора об артели¹³, в которую он собрался идти работать.

¹³ К 1953 году в СССР было 114 000 (!) артельных мастерских и предприятий самых разных направлений, от пищевого до металлообработки и от ювелирного дела до химической промышленности. На них работало около двух миллионов человек, которые производили почти 6 % валовой продукции промышленности СССР, артелями и промкооперацией производилось 40 % мебели, 70 % металлической посуды, более трети всего трикотажа, почти все детские игрушки. В предпринимательском секторе работало около сотни конструкторских бюро, 22 экспериментальные лаборатории и даже два научно-исследовательских института. Более того, в рамках этого сектора действовала своя, негосударственная, пенсионная система! Не говоря уже о том, что артели предоставляли своим членам ссуды на приобретение скота, инструмента и оборудования, строительство жилья. Первые советские ламповые приемники (1930 г.), первые в СССР радиолы

– Артель-то? – Федор затянулся самокруткой. – Называется «Металлист». Директором там Аркадий Филиппович Семавин, мой хороший знакомый. Делают гвозди, ведра да корыта жестяные и всякое другое по металлу. Своя кузня есть, так что и подковы куют.

– Познакомишь с директором?

На артель у меня были кое-какие планы, особенно если получится с кладом.

– Отчего не познакомить? Познакомлю. – Федор задумчиво посмотрел на меня. – Ты мне вот что скажи, на кой мы поперлись в лес, да еще лопату взяли? Про грибы даже не заикайся, не поверю.

– А если скажу, что клад откапывать, то согласишься?

– Про клад быстрее поверю. Знаешь что-то?

– Знаю. – И я рассказал Федору услышанную когда-то историю.

– Все может быть... – Он задумался. – Тут и в гражданскую, и после, да и в последнее время что только не творилось. Так что, может, кто и сделал себе захоронку. А твоя родня, значит, здесь живет? Навестить не хочешь?

– По материнской линии пока еще живут в деревне Лапышта, Инзерского сельсовета. Сюда переедут буквально за пару месяцев до войны, а вот отцова живет здесь. Мой дед

(1935 г.), первые телевизоры с электронно-лучевой трубкой (1939 г.) выпустила ленинградская артель «Прогресс-Радио». Единственным и обязательным условием было то, что розничные цены не должны были превышать государственные на аналогичную продукцию больше чем на 10–13 %.

буквально пару лет назад должен был построить дом по улице Узянской, возле станции Нура¹⁴.

– Так это же рядом с артелью, – встрепнулся Федор, – поедem знакомиться с Филиппычем, так и заехать можем.

– Там видно будет, – я вздохнул. – Я-то для них чужой. Еще даже родители мои не родились.

Получилось проехать почти до самого распадка. Здоровенная сосна росла между двух огромных валунов. Видимо, она и упадет от ветра, открыв взору скрытый клад. Клад тоже оказался на месте. Буквально сразу полотно лопаты лязгнуло обо что-то металлическое. Да и грунт был мягкий, словно кто-то что-то закапывал совсем недавно. Из земли извлекли два больших чугунка, один из которых был доверху набит золотыми монетами с изображением сеятеля на одной стороне и гербом РСФСР – на другой. Золотые советские червонцы. В другом чугунке лежали купюры с портретом Ленина, туго перетянутые бечевкой, номиналом в десять червонцев каждая. И, как вишенка на торте, револьвер с пачкой патронов сверху.

Перебирая купюры, Федор задумчиво произнес:

– А захоронка-то свежая. Того или этого года. Вот, глянь-ка.

Он протянул мне одну купюру. Я повертел ее в руках, раз-

¹⁴ Станция Нура Белорецкой узкоколейной железной дороги была центральной станцией. Стала известной после выхода фильма «Вечный зов», в котором она именовалась станцией Шантара.

глядывая со всех сторон, и пожал плечами. Купюра как купюра.

— Вот бестолочь, — Федор сплюнул, — на год взгляни.

На купюре стоял 1937 год. Захоронка действительно оказалась свеженькая.

Странно, что тетя Валя не увидела второй чугунок с бу-
мажными деньгами и револьвером. Хотя если учесть, что он
находился под тем, что с золотом, все возможно. Загрузив-
шись в телегу, тронулись в обратный путь. Надеюсь, теперь
денег хватит.

Дома вечером пришлось выдержать целое сражение с Ни-
колаем. Он все порывался сдать найденный нами клад в Гос-
банк. Пришлось его урезонивать тем, что найденные деньги
мы собираемся пустить в нужное государству дело, а не про-
кутить в кабаке. В конце концов он сдался. Еще и добавил,
что в последнее время никаких ограблений не было, и непон-
ятно, у кого могла появиться такая сумма.

Глава 4

Родная кровь. Свадьба

Знакомство с директором артели «Металлист» Аркадием Филипповичем Семавиным состоялось на следующий день. Дядька оказался монументальный. Как рассказал Федор, в молодости он работал молотобойцем, да и сейчас не гнушался встать к кузнечному горну, когда была такая нужда. Договорились мы с ним быстро. У него нашелся весь необходимый мне материал, токарные станки и газосварочный аппарат. То ли наличие у меня нужной суммы сыграло роль, то ли сопровождающий нас сержант НКВД Ринат Гареев, но все вопросы решили буквально в течение часа.

Работа закипела. Теперь я сутки напролет пропадал в мастерских артели. С директором мы быстро подружились. Узнав, что я инженер, он нет-нет да и подходил с какой-нибудь проблемой. А я с радостью помогал. Да еще набросал ему эскизов различных садово-огородных приспособлений, благо в свое время пришлось немало поковыряться в земле в саду. Та же чудо-лопата пошла буквально на ура. А как я удивился, когда Филиппыч велел мне подойти к кассиру и получить премию за внедрение новой продукции. На мои слова, что я безвозмездно отдал ему чертежи и эскизы, он ответил, что нарушать отчетность и потом отвечать перед

Фининспектором (вот так, с большой буквы и с придыханием) не собирается, и раз положено платить премию за рацпредложения, он мне ее и выплатит.

А однажды на местном рынке мне на глаза попался маленький бензиновый моторчик. И я бы прошел мимо, если бы продававший его мужичок буквально не схватил меня за рукав. Покрутив в руках это чудо техники, я выяснил у продавца, что это подвесной моторчик для велосипеда. Просил он за него немало, но деньги у меня были. Поторговавшись и сбив цену на треть, я купил агрегат.

Появилась у меня одна мысль. Решил я сделать бензопилу. В этом времени бензопилы уже есть, но это здоровенная и тяжеленная дурень, работать которой можно только держа ее вдвоем. Я же собирался сделать что-то похожее на штилевскую пилу, которой частенько там, в своем будущем, пользовался сам. И ведь получилось. Конечно, не совсем аутентично, но все же. Звенья для первой цепи изготовили фактически вручную и закалили. Филиппыч обещал заказать для этого штамп.

Легкая и удобная бензопила привела его в полнейший восторг. Тут же в Одессу, на завод «Красный Профинтерн», где делали те самые моторчики, был отправлен снабженец с суровым наказом без сотни этих девайсов не возвращаться. Уж кто-кто, а Филиппыч сразу увидел перспективы такой полезной в хозяйстве механизации. Ну и в очередной раз выписал мне не маленькую премию. А пила переключевала к

нам домой.

Через неделю после начала работ на полutorке привезли двигатель от У-2. Николай смог договориться с руководством аэроклуба, и они списали снятый с разбитого самолета мотор. Вопросов никто не задавал. Раз НКВД надо, значит, надо. А еще Николай выделил мне мотоцикл, чтобы, как он выразился со смехом, сестра его не пилила за то, что ее Мише до дома добираться далеко и он голодный весь день работает на благо страны.

Вообще отношения с Татьяной развивались стремительно, и это несмотря на мою занятость. Инициатива, как ни странно, исходила от нее. В один из дней, приехав домой, я застал натопленную баню. Федора с Николаем дома не было, и я решил их не дожидаться и вволю погреться. Поддав пару, я разлегся на полке, прикрыв в приятной истоме глаза.

Видимо, я задремал, потому что не заметил, как в баню проскользнула девичья фигурка в одной тоненькой сорочке. Очнулся я от того, что кто-то с приятными округлостями пристроился ко мне под бочок и эти самые округлости уперлись в плечо. Мягкая нежная рука поползла куда-то вниз живота, и тело само, без участия головы, среагировало на эту ласковую агрессию. Буквально с треском сорванная сорочка полетела куда-то в угол, губы нашли друг друга, и два тела сплелись в вечном танце любви. Кто сказал, что в СССР секса не было? Уверяю, был, да еще какой.

А после мы сидели и пили чай, невпопад говорили ка-

кую-то чушь и радостно смеялись. Вернувшийся Федор увидел наши счастливые физиономии, довольно хмыкнул и произнес:

– Давно бы так. А то что один, что другая дурью маются. Ну а после ноябрьских праздников свадьбу сыграем, нечего тянуть с этим делом. – И, довольный, засмеялся, глядя на наши красные лица.

В один из погожих октябрьских дней мы с Таней сходили в кинотеатр во Дворце культуры металлургов на «Веселых ребят». И хотя для меня, избалованного кинематографом XX–XXI веков, все происходящее на экране было довольно примитивным, я с удовольствием посмеялся над приключениями героев фильма и оценил игру актеров. Интереснее всего было наблюдать за реакцией зрителей. Таких искренних эмоций в оставленном мною веке вы уже не увидите.

Когда возвращались домой, Татьяна, шедшая до этого в какой-то молчаливой задумчивости, вдруг спросила:

– Миш, а у тебя там жена была?

– Была. И жена, и дочь, и даже внучке полтора года.

Комок подкатил к горлу. Все же, какими бы ни были отношения у нас с супругой, но я уже никогда не увижу своих родных.

– А ты жену любил? – Татьяна спрашивала, глядя кудото в сторону.

– Когда-то, наверное, любил. Все же 25 лет вместе прожили. А потом как-то охладели друг к другу, стали совсем

чужими. Куда-то пропали общие интересы, общие темы для разговоров. Нет, мы не ругались, не скандалили. Просто в один момент решили, что больше не стоит жить вместе. Она собрала вещи и уехала к дочери в Питер, то есть в Ленинград, помогать с внучкой. А я продал квартиру, сад, купил себе однокомнатную квартиру, а остальные деньги отослал им. Не жалеешь, что связалась со мной таким?

– Скажешь тоже, – Таня прильнула ко мне, – ты самый замечательный. И ничуть не старый, а совсем даже молодой. Зато умный и опытный. О таком муже можно только мечтать. И мы с тобой никогда-никогда не расстанемся, и нам всегда будет хорошо вместе.

Столько в ее словах было уверенности, что я не нашел что ей ответить, лишь обнял рукой, вызвав осуждающее покачивание головой у какой-то сидящей на лавочке у забора бабули.

В начале октября я выбрал время и написал письмо Чкалову. Не зная точного адреса, но предположив, что раз он работает испытателем в Москве, то и живет там же, на конверте написал: «Москва. Чкалову». Где-то в свое время читал, что так ему отправляли послания со всей страны, и все они доходили до адресата. Примет он к сведению написанное или нет, но моя совесть будет чиста. Во всяком случае я попытался спасти этого замечательного человека.

«Уважаемый Валерий Павлович!

Прошу Вас отнестись серьезно к тому, что будет написано далее.

1 декабря Вас отзовут из отпуска для проведения испытаний новейшего истребителя И-180. Полет будет готовиться в крайней спешке. Директор завода будет спешить отчитаться о проведенных испытаниях до конца года и заручится поддержкой Кагановича. Выпуск самолета на аэродром будет назначаться несколько раз и каждый раз откладываться из-за выявленных дефектов.

К 2 декабря число выявленных дефектов на собранной машине будет равняться 190. При рулежке по земле мотор будет часто глохнуть. Конструктор Поликарпов выступит категорически против ненужной торопливости при испытаниях и будет отстранен.

15 декабря Вы вылетите с Центрального аэродрома в первый испытательный полет. Полетным заданием будет сделать пару кругов над аэродромом и совершить посадку. После первого круга вы увеличите радиус полета и выйдете за пределы аэродрома. Установленный на самолет двигатель М-88 крайне ненадежен и при увеличении оборотов с малых до больших глохнет. Это произойдет в воздухе при заходе на посадку. Вы начнете планировать в сторону аэродрома, но на удалении полутора километра от него крылом заденете столб линии электропередачи. Самолет развернет, и он врежется в складированные там дровяные отходы. Возгорания не произойдет, но Вас выбросит из кабины головой на арма-

туру. Через несколько часов Вы скончаетесь в Боткинской больнице.

Пожалуйста, примите меры к недопущению подобного. Вы нужны стране, народу, а армии как воздух нужен этот истребитель. После вашей гибели работы по нему будут окончательно свернуты.

Р. С. Надеюсь на Вашу честность и порядочность, а потому прошу о письме никому не говорить, а само письмо уничтожить. На конверте есть обратный адрес, и я буду очень рад узнать, что все обошлось и Вы остались в живых. С уважением, Михаил Шершнев».

Интерлюдия

Чкалов

Чкалов сидел за столом, курил одну за другой папиросы и смотрел невидящим взглядом перед собой. Несколько раз перечитанное письмо лежало перед ним. Первым желанием, когда он его открыл и прочитал, было сразу выбросить куда подальше и забыть, но интуиция буквально взвыла. Никто не мог с такой точностью предсказать события за два месяца до того, как они произойдут, да и еще и с такими деталями. Да и вообще мало кто мог знать об испытаниях новейшего истребителя и о возникших при этом проблемах. А тут некто из какого-то маленького городка в Башкирии, который и на карте-то не сразу отыщешь, описывает еще не случившиеся

события, словно они уже произошли.

Бред! Или чья-то провокация. А может, сообщить о письме в органы? От этой мысли Валерий поморщился. После ареста он НКВД, мягко говоря, недолюбливал. Понимал их необходимость, но ничего с собой поделаться не мог.

В конце концов он убрал в ящик стола конверт, а само письмо скомкал, положил в пепельницу и поднес к нему горящую спичку. Огонь жадно вгрызся в бумагу, пожирая ровные строчки. Поживем-увидим. До того, что должно случиться, еще почти полтора месяца.

Тем временем Татьяна начала активно готовиться к предстоящей свадьбе. В один из дней она буквально силком вытащила меня в тот самый коопторг, где продавщицей работала Зина. Выбор товара там был явно богаче, чем в обычном магазине. Для меня приобрели костюм-тройку, пальто (в это время пальто – один из символов достатка), полушубок, зимнюю шапку, осенние ботинки и теплые бурки на зиму. Татьяне купили отрез на платье, туфли, зимние сапожки и красивый теплый белый полушубок. Зинаида с плохо скрываемой завистью смотрела на наш шопинг. По нынешним временам денег на все мы потратили просто неприлично много. Татьяна поначалу стеснялась тратить столько денег, но постепенно вошла во вкус. Женщина есть женщина всегда и во все времена.

7 ноября в артели прошел праздничный митинг. Вот инте-

ресно, ведь, по сути, артель – это частное предприятие, что-то вроде ИП или ООО в будущем, или, вернее, субъект малого и среднего бизнеса, а к годовщине Октябрьской революции отнеслись вполне серьезно: и кумачовые транспаранты, и трибуна, и флаги с огромными портретами Ленина и Сталина. Работники артели одеты празднично.

Первым выступил, естественно, директор артели Филиппыч. Говорил он минут пятнадцать. Поздравил всех с праздником, рассказал о том, как жилось рабочим до революции и как стали жить сейчас. Пожелал всем новых трудовых достижений.

Потом неожиданно слово предоставили мне. Пришлось вспоминать неоднократно виденные выступления еще на тех, советских съездах. Речь толкнул такую, что хоть на первые полосы центральных газет. Сказал о том, что наше первое и пока единственное в мире государство рабочих и крестьян находится во враждебном окружении и что империалисты не успокоятся, пока не уничтожат нас. Что мы все должны крепить оборону нашей Родины, что наша большевистская партия и правительство под руководством товарища Сталина делают все, чтобы ни одна капиталистическая гадина не испортила мирную жизнь советского пролетария, что тот образец техники, который мы изготавливаем, станет нашим вкладом в защиту социалистического отечества.

Аплодисменты не смолкали минут пять, не меньше. А в глазах людей горел огонь энтузиазма. Тут же была принята

резолюция о проведении субботника для быстреешего выполнения моего заказа.

Через неделю после праздника мы с Федором на сани, запряженных уже знакомой мне лошадкой, отправились в село Ломовка. Надо было прикупить мяса на свадебный стол, а у Федора там был знакомец, у которого этим самым мясом можно было разжиться. Пока ехали, он мне рассказывал про своего знакомого.

– Ломовские вообще хитрованы, но этот переплюнул их всех. У него же и при царе крепкое хозяйство было. От отца еще досталось. Самого-то его с самого начала Империалистической войны в солдаты забрали, и попал он к пластунам. Где-то за год до революции его ранили. Врачи подштопали малехо да домой отправили. Демобилизовали, значит. Он и начал здесь хозяйством заниматься, отец его к тому времени помер. Лошадей еще парочку купил, бычков да птицу разную. Женился, да жена ему каждый год по ребятенку нарожала. Трое парней у него и трое девок. Старшая дочь и старший сын уже своими семьями живут.

Когда начали колхозы организовывать, то его хотели было в колхоз записать, да только он вывернулся и тут. Пару лошадей отдал в колхоз и, пока там радовались, поехал в райсовет, оформил семейную сельхозартель. Сунулись к нему, а у него уже и документ готов. И есть он теперь единоличник-артельщик¹⁵.

¹⁵ Ответ либерастам на миф о повальной принудительной коллективизации.

Долго на него косо смотрели, так он, когда Магнитку начали строить, пришел к председателю и говорит: мол, дай мне в аренду пару-тройку лошадок с подводами, хочу обоз продовольственный героям-магнитостроевцам отправить. Тут уж председатель смекнул, что непорядок получится, если какой-то единоличник обоз отправит, а колхоз в стороне останется. Не дал лошадей, сам решил обоз снарядить. Да только не на того напал. Этот ушлый пошел по дворам и везде говорил, что председатель лошадей не дал, а там, в Магнитке, герои-строители с голоду погибают. В общем, через неделю с его подворья выехало пять подвод, да все в красных лентах и флагах, а на первой – транспарант: «Героям-магнитостроевцам от сельхозартели “Сельский труженик”». Тут и фотограф откуда ни возьмись, а потом – фотография в газете. Вот, мол, какие у нас сознательные единоличники-артельщики. А в Магнитке, рассказывают, встречали его как героя. Даже грамоту дали с подписью самого Калинина. Ну и сейчас лучше его свиней, бычков да птицы во всем районе нет. Все к нему едут за мясом¹⁶.

– Постой-ка, – пронзила меня догадка, – а ты, часом, не

Накануне войны в СССР насчитывалось более 3,5 млн хозяйств единоличников. Торговля сельхозпроизводителей облагалась налогом в 3 % с оборота. Свою продукцию сельскохозяйственные артели и единоличники могли свободно продавать на колхозных рынках, и часто с них даже не брали сборы за торговлю (устанавливались местными Советами). К слову, при Сталине приусадебные участки колхозников были площадью до 1 гектара.

¹⁶ Реальная история.

про Безумнова Павла Афанасьевича рассказываешь?

– Про него. – Федор обернулся ко мне. – Слышал про него там, у себя? – Он мотнул головой куда-то в сторону.

– Еще бы не слышал. Родня это моя. Бабушка моя в девичестве Безумнова была. Сейчас уже замужем за моим дедом. Это тот, который рядом с артелью Филиппыча живет. Павел Афанасьевич мне прадедом приходится. А историю эту я от отца слышал.

– Во дела! – удивился Федор. – Это, получается, мы к родне твоей едем? Эх, и не скажешь ведь им об этом. Еще, чего доброго, за сумасшедших примут.

Интерлюдия

Павел Безумнов

Павел Афанасьевич вышел за ворота и принялся откидывать снег. И не сказать, что в том была какая-то необходимость, тем более что сыновья с утра уже вычистили едва ли не пол-улицы, просто сил уже не было находиться в доме. Еще вчера с утра бабка Ефросинья, его теща, будто не с той ноги встала. Заставила всю женскую часть семьи наводить в доме чистоту, а ему велела заколоть кабанчика да по пятку кур, гусей и кроликов. И хоть лет бабе Фросе было уже столько, что и она сама не помнила, но голову имела светлую и в разных странностях до сего дня замечена не была. Гостей вроде не ждали, а редкие страждущие, приходящие к бабуш-

ке-целительнице со своими недугами, сами несли гостинцы.

Посмотрев на царящий в доме бедлам, Павел обмолвился супруге Анне, что, видать, бабка к своим похоронам решила готовиться. Эх, бабы, бабы. Язык что помело. Анна взяла да и высказала это бабке, но та, на удивление, скандалить не начала, а с какой-то светлой улыбкой сказала:

– Нет, мои хорошие, помирать я не собралась. Гость к нам завтра приедет. Издалеча приедет. Так издалеча, что туда ни пешему, ни конному не дойти, ни на паровозе, ни на еропла-не не добраться. Родич то наш. Помочь ему надо будет. Ты, Павел, ему продай все, что потребуется, да цену не ломи. Забесплатно он не возьмет, но и задорого переплачивать не станет. Да гостинцев ему богатых не забудь положить. Хороший он человек, да путь у него трудный. А помру я не завтра, а когда лихая година в России настанет. Так что уж потерпите меня пока.

Сегодня с самого утра начали готовить угощение на стол да наряжаться, как в праздник какой. Все трое сыновей побыстрее из дома сбежали во двор да в сараюшки скотину обихаживать, а вот бабам досталось. И жена Павла, и двое дочерей, и невестка, жена старшего сына, метались по дому, выполняя поручения спятившей бабки. Какой-такой родич, да еще издалека? Вся родня здесь, в Ломовке, да еще в Авзяне и Узяне есть, но те все больше у себя, да и не встречали их в редкие приезды так. Чудит старая.

Павел скребанул лопатой по и без того безупречно вычи-

щенной дорожке и, сплюнув в пока еще небольшой сугроб (снег в этом году выпал рано), направился к сидевшему на скамье соседу.

– Как жив-здоров, Фрол? Чего это ты на холодок решил выбраться?

– Жив пока, Пал Афанисыч. И тебе тоже не хворать. Вышел вот дух перевести, а то рученьки болят, ноженьки болят, спина не разгибаца. Работаешь, работаешь, все здоровье кончашь – и никакого почету. Ты вон тоже себя не бережешь. Сядь вот, перекури.

Предложение перекурить в изложении Фрола означало, что курить будут табачок Павла. Ну да то не беда, чай все не скурит.

– Чего енто ты с утра всполошилси? – Фрол с удовольствием затянулся крепким табачком. – Никак аменины чьи, аль сваты к девкам твоим собрались?

– А! – Павел махнул рукой. – Гостей ждем. Родич, вроде как, издалеча приехать должен. Ладно. Ты кури, а я пойду. Дел полно еще.

Подворье, к которому мы подъехали, встретило нас распахнутыми настежь воротами¹⁷ да небольшой группой людей перед ними.

– Чего это они? – удивился Федор. – Ждут, что ли, кого?

¹⁷ Распахивали настежь ворота перед особо почетными гостями, обычные же гости проходили через калитку.

Спрыгнув с саней, пошли навстречу хозяевам. Чуть впереди стоял высокий крепкий мужчина лет пятидесяти на вид в добротном полушубке. По правую руку от него – статная женщина, а по левую – древняя старушка в нарядном шерстяном платке. Молодежь кучковалась позади.

– Здравы будьте, Павел Афанасьевич и Анна Яковлевна. Долгих лет тебе, Ефросинья Николаевна. – Федор, опираясь на костыль вышел чуть вперед и почтительно поздоровался с хозяевами. – Вижу, мы не вовремя. Вы, видать, гостей поджидаете.

– И тебе здравствовать, Федор Тимофеевич. Вот, ждем... – На этих словах Павел скосил глаза на стоящую рядом бабу Фросю. А та буквально вперила свой взгляд в приехавшего молодого человека. Остановив движением руки собиравшегося что-то сказать Павла, она поклонилась парню и произнесла:

– Здравствуй, гость дорогой. Милости просим в дом. Не побрезгуй угощением, чай не чужие люди, а родня.

За богато накрытым столом меня познакомили со всем многочисленным семейством Безумновых. А я сидел, и память услужливо открывала страницы давно уже услышанной истории этой семьи.

В хрущевские времена все их хозяйство отберут в доход государства абсолютно безвозмездно. Когда Павел Афанасьевич оформлял артель, он записал в артельную собственность и дом с постройками, и земельный участок. Всего это-

го его лишили. Он умрет в год моего рождения, в 1970-м. Мне рассказывали, что меня он успел увидеть.

Анна Яковлевна на десять лет пережила мужа. Я хорошо ее помню. Оставшись одна, она перебралась к дочери, моей бабушке. Мы тогда все жили в одном доме, и она, перебирая руками по стеночке, приходила в нашу половину навестить меня. У нее всегда в кармашке старенькой утепленной жилетки, которую она называла душегрейкой, лежала для меня конфета. Анна Яковлевна садилась рядом, переводила дух, гладила меня по голове и рассказывала какие-нибудь сказки или вспоминала свою жизнь. Мне, непоседливому пацану, это все было мало интересно, но за конфету я сидел и терпел. Ох, как я корил себя потом, став взрослым, что не уделял своей старенькой, как я ее называл, больше времени и невнимательно слушал ее рассказы.

Андрей Павлович, старший из детей. Уже женат. Его молодая супруга Настя сидит рядом с ним, изредка чуть заметно поглаживая начинающий выпирать животик. Сейчас живут в доме отца в большом пристрое. Их судьба очень печальна. Сразу после рождения ребенка Андрей завербуетея работать куда-то в Минск и заберет с собой жену и ребенка. С началом войны их следы потеряются. Уже после Победы удастся узнать, что они пытались выбраться из захваченного города и в июле 1941 года попали под молот карательной операции «Припятские болота», которую проводил немецкий полицейский полк «Центр». В одной из деревень

их заживо сожгли вместе с местными жителями. Каким-то чудом Настя успела передать коротенькую записочку со своими именами с двумя мальчишками, которым удалось бежать. Так было установлено место их страшной гибели.

Старшая из дочерей, Елизавета, моя бабушка, сейчас живет с мужем. Надо бы как-то навестить на правах родственника, раз уж признали меня таковым. У нее будет трое сыновей, один из которых – мой отец, и одна дочь. Моего отца она назвала в честь старшего брата Андреем. Скончается в 1988-м, через неделю после того, как меня призовут в армию.

Третий из детей Павла, Николай. Сейчас ему 18 лет, и он – основная опора и главный помощник отца. С началом войны попадет на курсы бортстрелков бомбардировщиков. В 1943 году в одном из вылетов у него заклинит пулемет, и он вернется на аэродром с полным боекомплектом, хотя самолет активно атаковали немецкие истребители. Его обвинят в трусости и отправят в штрафную штурмовую эскадрилью бортстрелком. В первом же вылете их подбьют, и они совершат огненный таран, направив объятый пламенем Ил-2 на склад горючего.

Четвертый и пятый ребенок в семье – это двойняшки Семен и Ольга. Лед и пламень. Спокойный и не по годам рассудительный Семен и мгновенно вспыхивающая и импульсивная Ольга. Обоим по 15 лет. Семен попадет в школу снайперов. В 1942 году от него придет последнее письмо. Я помню этот потертый солдатский треугольник, хранимый у бабуш-

ки как реликвия, с вымаранной цензурой строчкой и крохотными буквами по углам листка «я нах... в г... Гр...» («Я нахожусь в городе Грозном»). Пропал без вести в горах Кавказа¹⁸. Ольга сразу после войны умудрится выйти замуж и уедет с мужем куда-то в Сибирь. Бабушка не любила о ней вспоминать и контактов не поддерживала.

Ну и самая младшая, 13-летняя дочь Светлана. О ней вообще мало что знаю. Вроде сразу после войны ее по комсомольской путевке направят в Магнитогорск, где она и проработает на комбинате много лет. Знаю, что она приезжала на похороны своей сестры, моей бабушки, но я ее, по понятным причинам, не видел.

За столом тем временем разлили по стопкам кристально чистый деревенский самогон. Выпили за встречу и за знакомство. Потекла неспешная беседа. Пригласил все семейство Безумновых, как своих родственников, на нашу с Татьяной свадьбу. Сговорились о приобретении у них мяса и всего прочего. Павел хотел было отдать все задаром, но бабушка Ефросинья на него шикнула.

– Ладно, сговоримся по-родственному. – Он огладил свои пышные усы, кашлянул и разлил еще по одной. – Давайте, мужики, еще по одной, да перекурим пойдем.

Во дворе расположились на широкой лавочке. Павел с Федором затаились крепчайшим самосадом, от которого, если бы не морозец, точно замертво падали бы мухи.

¹⁸ Реальная история.

Я не знал, как начать разговор, но, видимо, это было заметно, потому что Безумнов произнес:

– Ты, Михаил, ежели чего сказать хочешь, так говори. Чай не чужие люди, хотя вот убей меня, но не могу понять, чьих ты будешь. Но раз теща моя тебя признала, значит, так оно и есть. В таких делах она не ошибается.

– Сказать-то хочу, Павел Афанасьевич, да вот не знаю, согласишься ли ты мне.

– Ты для начала зови меня просто дядя Паша. Ну а поверю или нет, так как узнашь, ежели ты не скажешь?

– Ну, так тому и быть. Если что, то вот Федор подтвердит, что все слова мои – правда. – И я рассказал дяде Паше все, что знал о будущем его семьи.

– Вон оно как... – Безумнов вздохнул. – М-да. А ты, стало быть, как и бабка Ефросинья, можешь будущее видеть? Не брешет? – спросил он у Федора, на что тот отрицательно покачал головой.

– Не как она. По-другому, – не стал я говорить всю правду.

– И ничего нельзя поделаться? – с тоской в голосе спросил Павел. – Как Господь положил, так и будет?

– Нет, дядя Паша, не будет. Теперь можно все изменить. Не дай Андрею уехать в Минск. Пусть здесь остается с женой. Насчет остальных – не знаю. Тут думать надо. Но и их судьбу изменить можно.

– Стало быть, война будет? – Безумнов повернул ко мне лицо.

– Будет, только ты об этом помалкивай, не то живо в паникеры и провокаторы запишут. Если хочешь доброго совета, то к началу лета 1941 года постарайся сделать кое-какие запасы. Соль, спички, мыло, керосин, крупы. Со скотиной думай сам, тут я тебе не советчик. Оставь, сколько сможешь прокормить. Война будет долгой и кровавой. Будешь закупаться, сразу помногу в одном месте не бери, иначе подозрения возникнут.

– Поучи меня еще! – Павел хмыкнул. – Разберемси, чай не дурные. За совет спасибо. Со скотиной тоже к тому времени решу, что делать.

Мы уезжали с подворья Безумновых на тяжело груженных санях. Кое-где в горку приходилось идти рядом, чтобы лошадь могла осилить подъем. Помимо купленного, как сказал Федор, за треть обычной цены мяса нам навалили целую гору гостинцев к свадебному столу. Тут и колбасы, и копченый окорок, и сало соленое и копченое, домашний сыр наподобие адыгейского, большущий кирпич завернутого в чистую тряпицу сливочного масла, ну и, конечно, здоровенная бутыл с крепчайшим и чистейшим самогоном. На мою попытку всучить за все это деньги дядя Паша лишь отмахнулся рукой.

– Ежели я с тебя хоть копейку за эти гостинцы возьму, то меня теща со свету сживет, а она это может, – хохотнул он. – Ты бери и не стесняйся. По-родственному все, по-свойски.

Интерлюдия

Дом Безумных

– Ну, рассказывай, чего тебе Михаил сказал! – Бабка Ефросинья, казалось, едва не подпрыгивала от нетерпения.

Павел Афанасьевич неторопливо уселся на табурет, охлопал себя, будто бы в поисках кисета с табаком, потом зачем-то достал из кармашка расческу и провел ею по своим усам, которыми очень гордился. Возможностью слегка понервировать тещу следовало насладиться.

– Пашка! – прикрикнула баба Фрося на зятя. – Ой, дождешься сейчас!

Безумнов решил дальше не рисковать и почти дословно пересказал то, что узнал от внезапно появившегося родственника. Ефросинья Николаевна надолго задумалась.

– Вон оно как, значица... – Она тяжело вздохнула. – Видела я, что зло какое-то будет над нашей семьей, да не ведала, какое именно. А теперь следов того зла нет более. – Она резко обернулась к зятю. – В ноги ты должен кланяться Михаилу каждый раз. От смерти лютой спас он детей твоих. Вижу, как изменились их судьбы. А теперь ступай, да подарок богатый к их свадьбе выбери.

– Да кто же он такой? С чьей стороны родич, никак не пойму?

– То, Павел, тебе знать не следоват. Знай только, что он

нам родня по крови.

Свадьба была веселая и шумная. Приехали многочисленное семейство Безумновых, включая мою будущую (вот, блин, парадокс) бабушку Елизавету с мужем, моим, тоже будущим, дедом, Ринат Гареев и его родственница Алия с дочерьми, у которой пряталась Татьяна, продавщица из коопторга Зинаида, которая, на удивление, приняла очень активное участие в подготовке к свадьбе, помогала с несколькими женщинами готовить угощение на стол и убираться в доме, директор промартели «Металлист» Аркадий Филиппович Семавин с супругой и еще много незнакомого мне народа.

Федор как родственник невесты и Павел Афанасьевич как родственник со стороны жениха затеяли шуточный торг, один продавая, а другой выкупая невесту. Без смеха на это действо смотреть было невозможно. Наконец, достигнув согласия, они скрепили его крепким рукопожатием.

– Ну что, жених, – обратился ко мне Павел, – а не уступишь ли свою невесту? Вон, у меня два жениха готовых есть. Сколько хочешь казны за нее?

– Не уступлю, Павел Афанасьевич, – я приобнял Татьяну, – нет во всем мире таких сокровищ, чтобы были дороже моей любимой. Ну а ты поищи своим орлам других невест. Вон сколько красавиц здесь, – я кивнул в сторону молодых девиц.

– Охо-хонюшки, – Безумнов картинно обхватил голову

руками, изображая огорчение и разочарование, – горько-то мне как. Горько!!!

Его неожиданный тост подхватили все гости.

Дальше свадьба покатила как по накатанной колее. Пили, закусывали разнообразными разносолами и вкусностями, дарили подарки, произносили тосты. Ни мне, ни Татьяне спиртное не наливали. Не положено. Вскоре столы сдвинули к стене, освобождая место для танцев. Тут же появился патефон, место возле которого прочно оккупировали Семен Безумнов и гармонист. Народ отплясывал так, что казалось, дом раскатится по бревнышку. И под пластинки, и под гармошку. Особенно старалась Зинаида, выделявая замысловатые коленца. Ее внушительный бюст при этом так заманчиво колыхался, что мужчины невольно не сводили с него глаз. Даже Павел сглотнул слюну, а Федор глядел так, словно кот, увидевший полную миску сметаны. Только что не облизывался. Ну а Зина, довольная произведенным эффектом, старалась еще больше.

Бабка Ефросинья смогла улучшить момент и отвела в сторонку Татьяну. Долго вглядывалась ей в глаза, а потом произнесла:

– Знай, что твой муж тебя от смерти спас. Была на тебе печать смерти, но больше ее нет. Теперь ничего не бойся. Пока вы вместе, с тобой ничего плохого не случится.

Отгуляли свадьбу, и начались трудовые будни. Я с ранне-

го утра и до позднего вечера пропадал в мастерской, Татьяна вышла на работу в больницу и тоже целыми днями была в делах. Работа над винтокрылой машиной двигалась вперед. Привезенный двигатель М-11 был полностью перебран. В этом мне активно помогал Семен Безумнов, который выпросился у отца и теперь каждое утро пробегал на лыжах несколько километров, чтобы поучаствовать, так сказать, в процессе. Парень оказался буквально болен техникой и все схватывал на лету. Подучить – и отличный механик получится. Меня он звал дядькой Михаилом и наотрез отказался обращаться просто по имени. Сказал, что батяка так велел.

Много времени заняло изготовление лопастей несущего винта. Я взял за основу, как и в «Птахе» из будущего, лопасти по типу вертолета Ми-1, то есть смешанной конструкции со стальным трубчатым лонжероном и деревянными нервюрами и стрингерами. Обшивка предусматривалась из фанеры и полотна, пропитанного лаком. Рулевой трехлопастной деревянный винт взялся изготовить Федор. А уж как намучались с редуктором, это просто не описать, однако справились.

15 декабря я весь день буквально места себе не находил. Получилось убедить Чкалова быть осторожнее во время испытательного полета или нет? Всю последующую неделю я буквально терроризировал Николая, пытаюсь через его ведомство получить хоть какие-то известия. Но газеты молчали, вестей о гибели легендарного летчика не было, и я поне-

многу успокоился.

Перед самым Новым годом вертолет Шер-1 впервые оторвался от земли. И тут же вернулся обратно. Хорошо, что машина была на привязных тросах, так как на больших оборотах началась сильная тряска. Похоже, был дисбаланс в несущих лопастях. Их сняли, взвесили, и точно, одна из трех оказалась несколько тяжелее. Пришлось ее разбирать и переделывать.

За всеми этими хлопотами Новый год прошел незаметно. Да и не принято здесь его праздновать так широко, как в будущем.

10 января 1939 года наш аппарат смог полноценно подняться в небо. Взлетев с пустыря позади артельной мастерской и набрав сотню метров высоты, я повел машину в сторону аэродрома Осоавиахима. С ними заранее договорились (спасибо Николаю) о площадке и о месте в ангаре. Там и будут проходить основные летные испытания. А в мастерской артели доделывали вторую модификацию вертолета, пока без двигателя: М-11 был для него откровенно слабым.

Надо сказать, Шер-1 получился довольно удачным. Вертолет разгонялся до 110 км/ч, что для столь слабого двигателя было очень неплохо, и был очень маневренным. Он мог лететь боком, хвостом вперед, получилось даже исполнить на нем фигуру «воронка», когда нос машины нацелен на одну точку на земле, а сам вертолет облетает цель по кругу. С пассажиром, в качестве которого вызвался Семен, удалось

подняться на высоту в 1000 метров. Холодина в открытой кабине была страшная, но приземлились мы оба довольные. Испытывать приземление в режиме авторотации, когда двигатель не работает, а лопасти крутятся от набегающего воздуха, я не стал, хотя такая возможность и была предусмотрена. После подобной посадки вертолет потребовал бы капитального ремонта.

Семен буквально заболел небом. Он практически сразу освоил управление винтокрылой машиной. Было у него то, что наш инструктор в аэроклубе, в том, оставленном мной времени, называл чувством винта. Парень был прирожденным пилотом. В конце января начали испытания вертолета с установленным вооружением. В закромах НКВД нашлась пара пулеметов Максима без станка, неведомо как там оказавшихся. Похоже, бывший начальник Николая у кого-то их конфисковал, но по непонятным причинам ни в каких документах о них не упомянул. Ну а мы этим воспользовались. Изготовили лафеты в носовой части вертолета, вывели к месту пилота тяги перезарядки пулеметов и спусковую скобу. В таком виде машина становилась одноместной: мощности двигателя уже не хватало и на второго члена экипажа, и на вооружение с боеприпасами.

На поле в стороне от аэродрома установили крестовины с натянутыми на них мешками, по которым отрабатывали ведение огня. Семен и тут сумел удивить. Хотя он и летал, как говорится, «тихенько и низенько», но стрелял просто вирту-

озно. Практически вся очередь шла в мишени. Не даром в прошлом (или будущем?) он стал (или станет?) снайпером. Тыфу, совсем запутался со временем. Только кажется мне, что если Семен и станет теперь снайпером, то снайпером воздушным.

К концу февраля задуманная мной программа испытаний была полностью завершена. Налетались и настрелялись, что называется, всласть, и я засел за написание «Наставления по пилотированию и боевому применению вертолетов». Да еще была задумка о проведении, как сказали бы в моем времени, презентации винтокрылой машины. Для этого мне нужен был хороший фотограф, а лучше и кинооператор с кинокамерой. И если с фотографом еще можно было решить вопрос, то кинооператоры сейчас большая редкость. В ближайшее время Николай собирался в Уфу и там постарается разузнать по поводу хотя бы кинокамеры с пленкой.

Глава 5

Чкалов. Боевой вылет

В первых числах марта на мое имя пришло письмо. Меня это откровенно удивило. Некому мне писать в этом времени. Все, кого я знаю и кто меня знает, находятся рядом. Письмо мне вручила Татьяна, которая забрала его у почтальонши. При этом глаза у нее были размером с блюдце. Оно и не удивительно, ведь на конверте значились обратный московский адрес и фамилия отправителя, Чкалов. Для нее это был кто-то на уровне небожителей. И этот небожитель, человек-легенда, перелетевший Северный полюс, человек, о котором писали газеты всего мира, писал ее мужу.

«Здравствуй, Михаил!

Ничего, что я так запросто, по имени? Пишу и не знаю, благодарить тебя или при случае в морду дать. Уж извини, я человек прямой. За то, что спас мне жизнь, тебе огромное спасибо. Авария все же случилась, но я уцелел, хотя и поломался изрядно. Списали меня врачи. Списали вчистую. Запретили управлять любыми типами самолетов. А на хрена мне эта жизнь без неба?! Для меня летать – это как дышать. Не могу я без неба и без полетов. Зачахну просто. Смотрю, как другие летают, и аж сердце рвется на части. Так что не обессудь, но в морду ты все же получишь. Пойду, отправлю

тебе письмо, пока не протрезвел. Трезвый я его просто сожгу, как все до этого.

С пламенным приветом, Чкалов».

М-да. С одной стороны, я был рад, что спас легендарного летчика, а с другой – мне было искренне жаль мужика, потерявшего смысл своей жизни. Еще сопьется с горя. Письмо, похоже, действительно уже не первое пишет. Он и это отправил потому, что писал, явно изрядно приняв на грудь.

На следующий день с утра пораньше верхом на пегой лошадке к нам домой прискакал Семен. Я с вечера засиделся допоздна, рисуя схемы и таблицы для «Наставления», и потому еще спал. Разбудила меня Татьяна.

– Миш, вставай, – она ласково погладила меня по плечу. – Там Семка примчался, тебя требует.

– Чего стряслось, неугомонный? – Я с заспанной физиономией вышел из спальни.

– Дядька Михаил, бабка Ефросинья велела передать, чтобы твой друг скорее приезжал. Ежели успеет приехать до того, как черемуха зацветет, то она сможет ему помочь с болезнью справиться, – выпалил Семен на одном дыхании и замолчал, ожидая моей реакции.

Хех. Интересная все же эта баба Фрося. В моем времени показывали по телевизору на одном из каналов довольно популярный сериал про слепую бабульку, то ли ведунью, то ли экстрасенса, которая всем помогала в трудных ситуациях. Вот и Ефросинья Николаевна была что-то вроде той бабуль-

ки, только зрячая. Моя бабушка мне в детстве рассказывала, что были у нас в роду ведуньи и целительницы, да только для меня в те годы все это было не более чем сказкой.

Хм, а ведь это выход! Я все голову ломал, как мне дать о себе знать тому же Берию, чтобы гарантированно заметил, а тут есть возможность привлечь к своим делам такую фигуру, как Чкалов. И в тот же день отправил в адрес Чкалова телеграмму: «Срочно приезжай тчк Будет тебе небо зпт если поторопишься тчк Глупостями не занимайся вскл Михаил тчк».

Через неделю пришла ответная телеграмма: «Вылетаю на фанере тчк Буду 24го тчк Встречай тчк Чкалов тчк».

В назначенный день, выпросив у Николая машину с водителем, я с самого утра был на аэродроме. Еще и поинтересовался у одного из инструкторов аэроклуба, что это за фанера, на которой собрался прилететь Чкалов.

– Фанера? – инструктор хохотнул. – Самолет это так называется, «Фанера-2», или ЛК-1 по-другому. Машинка интересная. Сам я на такой не летал. У него кабина находится в зализах крыла и фюзеляжа. К нам они редко залетают, только если okazия какая или погода заставляет. А так почти и пассажиров в Магнитку доставляют.

Само известие о прилете Чкалова вызвало небывалый ажиотаж. Начальник аэроклуба хотел даже устроить торжественную встречу и митинг (ну любят в это время подобные мероприятия), и мне стоило больших трудов уговорить его

этого не делать. Пришлось под большим секретом рассказать о проблемах со здоровьем у известного на весь мир летчика. Проняло. Будучи сам пилотом, аэроклубовский руководитель прекрасно понимал, что такое остаться без неба.

Около десяти часов утра на расчищенную взлетную полосу совершил посадку самолет немного странной конструкции. Я такой видел когда-то в юности в старом советском фильме «Семеро смелых». Высадив одинокого пассажира, одетого в теплый летний комбинезон и с чемоданом в руках, самолет развернулся и после небольшого разбега взмыл в небо, взяв курс в сторону Магнитогорска. Я вышел навстречу Чкалову.

– Здравствуйте, Валерий Павлович! – Такое обращение заставило Чкалова слегка поморщиться. – Я Михаил Шершнеv. Рад, что вы прислушались к моим предупреждениям.

– Слушай, Миш, давай на ты. Не люблю я эти политеcы¹⁹... – Чкалов протянул мне свою руку, которую я крепко пожал.

– Ты там что-то про небо писал, – продолжил нетерпеливо Чкалов. – Как я понял, ты имел в виду, что я летать смогу?

– Сможешь, – уверенно ответил я, – пошли, покажу кое-что.

Мы прошли к ангару, в котором стоял наш вертолет. Семен нашелся рядом с аппаратом. Он вообще готов был дне-

¹⁹ По свидетельствам очевидцев, однажды Чкалов даже Сталину предложил обращаться друг к другу на ты.

вать и ночевать здесь. Заболел парень небом и полетами. И больше всего ему нравилось летать именно на вертолете. Он, естественно, издали увидел героя-летчика, но подойти постеснялся.

– Вот, Валерий Павлович, знакомься. Это будущий сталинский сокол и уже сейчас настоящий летчик-снайпер Семен Безумнов. Мой родственник. Из пулеметов, установленных на этом аппарате, – я похлопал ладонью по фанерному борту кабины вертолета, – стреляет даже лучше меня. Ну а это, – я кивнул на винтокрылую машину, – вертолет Шер-1 моей конструкции. Вот он и вернет тебе небо. Тебе же врачи запретили летать на самолетах, а это ни разу не самолет. Правда, подучиться придется. Машина довольно своенравная. А еще завтра съездим к одному человеку, и, возможно, удастся тебя избавить от болячек. Ты вообще на сколько прилетел?

– Дома сказал, что на пару недель, но, возможно, задержусь, – ответил Чкалов, не глядя на меня. Все его внимание было приковано к стоящему в ангаре вертолету. Он обошел его по кругу, потрогал поворотный винт, похлопал ладонью по фанерному борту с нарисованной на нем красной звездой. Наконец, остановившись прямо напротив носовой части, спросил: – А он вообще летает? Похож на ЦАГИ 1-ЭА, который испытывали в тридцать втором году. Там даже конструкторов наградили, но в серию так и не запустили.

– Летает, Валер, – я встал рядом с Чкаловым, – двигатель,

конечно, слабоват, но и этого хватает. Через пару дней сам убедишься, а пока поехали, там нас моя супруга заждалась уже.

Все поползновения Чкалова отвезти его в гостиницу я категорически отверг. Дом у нас, слава богу, большой, и свободного места много. Тем более что Николай перебрался в служебную квартиру прямо напротив своей работы, а Федор поселился в теплой пристройке с отдельным входом. Вечером за чаем (намек Чкалова на что-нибудь покрепче я проигнорировал), когда у Татьяны окончательно прошел шок от созерцания в своем доме легендарной личности, состоялся откровенный разговор.

– Ты понимаешь, – Чкалов аж вскочил со стула и заходил по комнате, – я же еще до полетов нашел тот самый склад. И столбы те самые с проводами тоже нашел. И самолет выпустили с тем числом дефектов, что ты указал. Все, абсолютно все совпало до мелочей. Я же чуть с ума не сошел... – Валерий схватил со стола стакан с остывшим чаем и залпом выпил. – А когда пошел на второй круг, то решил отвернуть в другую сторону. И двигатель обрезало за полтора километра до полосы, но сумел спланировать на самый ее край. Там и скапотировал. Машина в хлам, а меня – в больницу без сознания. Я же, когда в себя пришел, в первую минуту не поверил, что живой. И ведь особо-то не поломался, но сотрясение мозга получил. За это и списали. Хотел было податься на Волгу и записаться кочегаром на какой-нибудь пароход, а

тут твоя телеграмма. Ты мне вот что скажи, — Чкалов остановился напротив меня и внимательно посмотрел мне в глаза, — откуда ты мог знать о том, что еще не произошло? Ты что, предсказатель?

Я хмыкнул и тоже отпил свой чай.

— Нет, Валер, не предсказатель, но кое-что о будущем рассказать могу. Например, могу сказать, когда и с кем будет война и какие потери мы понесем, если ничего не предпримем.

Засиделись мы с Чкаловым до самого утра, когда ночная темень сменилась серым мартовским рассветом. Сколько раз Валерий вскакивал и порывался в ту же минуту броситься, хоть пешком, в Москву к Сталину, чтобы предупредить его, не сосчитать. Пришлось несколько раз его чуть ли не силой усаживать. Наконец, мне это надоело.

— Ты что же, считаешь, что Сталина никто не предупреждал о надвигающейся войне? Предупреждали, и не раз. Называли разные даты, в том числе и истинную. Или, может, ты думаешь, что Сталин настолько наивен, чтобы верить в миролюбие Гитлера? — Я уже сам встал и прошелся по комнате. — К войне готовились. Всеми возможными способами пытались оттянуть ее начало. В самый канун войны в приграничные округа была разослана директива о приведении войск в повышенную готовность²⁰, но наши командующие в

²⁰ Речь идет о Директиве от 18 июня 1941 года, в которой Сталин отдал приказ о приведении войск первого стратегического эшелона в полную боевую го-

большинстве своем эту директиву проигнорировали. Было это предательство или глупость, тут разбираться надо соответствующим органам. Хотя по мне, так это прямое предательство.

Ты только представь себе, что буквально за день до начала войны командование в приграничных округах отдало приказ снять с артиллерии все (!!!) прицелы и отправить их в мастерские за сотни километров на проверку. В итоге зенитчики не смогли открыть огонь по вражеским самолетам, и те отбомбились, как на полигоне. Где все же смогли стрелять, не выполнив преступного приказа, там на допросе сбитые немецкие летчики говорили, что им известно о приказе не открывать по ним огонь и о небоеспособности артиллерии. С истребителей было приказано снять все вооружение и сдать пушки и пулеметы вместе с боеприпасами на склады. Артиллерию вывели на полигоны, где расставили по линейке, самолеты в большинстве своем привели в небоеготовое состояние и тоже расставили на аэродромах стройными рядами, как на параде, чтобы бомбить и расстреливать их было удобнее. Командному составу предоставили выходной. В итоге в первые же часы мы лишились почти всей авиации и артиллерии, погибло без пользы большое число отлично подготовленных военных специалистов. — От гнева я от ду-

товность. Генштаб передал директиву в войска, но она фактически не была выполнена в тех приграничных округах, по которым пришелся главный удар противника.

ши врезал кулаком в бревенчатую стену.

– Так тем более надо быстрее обо всем доложить Сталину! – Чкалов встал напротив меня, пристально глядя мне в глаза.

– Доложим, Валер, – я вздохнул, успокаиваясь, – непременно доложим. Но вначале нужно делом доказать, что мы не пустобрехи. А для этого нужно тебя поставить, как говорится, на крыло, довести до ума вертолет и уже с готовой машиной выходить в первую очередь на Берию.

Услышав эту фамилию, Чкалов чуть заметно поморщился.

– А ты не кривись! – Я ткнул ему пальцем в грудь. – Прекрасно знаешь, что в свое время получил по заслугам. Но если нам поверит Берия, то поверит и Сталин.

Удивительно, но мне Чкалов поверил сразу. И, как мне показалось, даже особо этому не удивился. Я рассказал ему свою историю попадания в это время. Окончательно же его убедили эскизы современных мне боевых вертолетов и самолетов. Если учесть, что рисовал я всегда довольно неплохо, то и эскизы получились очень наглядные. Таких аппаратов Чкалов точно нигде не видел. Он как зачарованный смотрел на стремительные контуры Су-35 и Ми-28, машин будущего, а «Наставление по пилотированию и боевому применению вертолетов» у него пришлось буквально вырывать из рук.

Хоть и легли спать уже почти на рассвете, но пары часов на сон вполне хватило. Видимо, сказалось возбуждение от

ночного разговора, поэтому Чкалов был вполне бодрым. Едва успели позавтракать, как к дому подкатила уже знакомая мне «эмка»²¹ с Ринатом Гареевым за рулем, на которой я ездил встречать легендарного летчика. Спустя минуту в дом вошел Николай, впустив за собой порцию холодного мартовского воздуха.

– Здравствуйте, товарищ Чкалов, – Николай козырнул. – Привет, Миш.

– Вот и здесь нашли, – скривился Чкалов, увидев человека в форме НКВД.

– Знакомься, Валер. Это мой шурин Николай Сазонов. Исполняющий обязанности начальника районного управления НКВД, – представил я Николая. – Кстати, он полностью в курсе, кто я и откуда. Так что теперь мы все в одной лодке.

– Из Уфы пришел приказ присматривать за вами, товарищ Чкалов, и обеспечить безопасность, – сказал Николай после того, как они пожали друг другу руки, – так что я решил выделить вам авто с водителем. Так и мне спокойнее будет, и вам удобнее.

Сразу после завтрака поехали в Ломовку к бабке Ефросинье. Знахарка встретила нас в горнице. Внимательно посмотрев на Чкалова, она сказала:

– Смерть рядом с тобой прошла, соколик. Дохнула на те-

²¹ ГАЗ М-1, просторечное название – «эмка», советский легковой автомобиль, серийно производившийся на Горьковском автомобильном заводе с 1936-го по 1942 год.

бя и ушла. Теперь проживешь долгую жизнь, если по дури своей голову не сложишь. Вот, его благодари. – Она ткнула в мою сторону пальцем и, обращаясь уже ко мне, произнесла: – А ты поезжай, Михайло. Друга своего через седмицу забереешь. Вижу, вовремя вы успели, смогу я ему помочь.

Для меня неделя пролетела незаметно, и когда я вновь приехал в Ломовку к Безумновым, то вначале не узнал Чкалова. Что уж с ним делала знахарка, не ведаю, но это был совсем другой человек. Плечи развернулись, глаза лучились переполнявшей этого человека энергией. Да и как будто молже он стал.

До земли поклонившись Ефросинье Николаевне, пружинящим шагом вышел к машине. Семен стоял рядом со мной, с видимым превосходством поглядывая на толпящихся чуть в стороне односельчан. Когда он рассказал, что на аэродроме встречал самого Чкалова и тот пожал ему руку, то его называли брехуном. Пришлось даже расквасить несколько носов, чтобы неверящие примолкли. Но когда Чкалов приехал к ним домой, да еще и жил у них целую неделю, то после такого авторитет Семки вырос просто неимоверно.

– Ну, Семен Палыч, до завтра, – Чкалов крепко пожал руку подростку, – надеюсь, увидимся на аэродроме.

После этих слов нос у Семки задрался до самых облаков. Еще раз поблагодарив хозяев за гостеприимство, мы поехали обратно в Белорецк. А в Ломовке навсегда в памяти сельчан остался приезд к ним самого известного летчика

страны. Ну и, естественно, все прекрасно запомнили, к кому именно приезжал Чкалов.

Вновь начались насыщенные будни. Чкалов отправил жене телеграмму, в которой сообщал, что все у него замечательно и что он задержится здесь, а затем с головой ушел в изучение винтокрылой машины.

Бензина сожгли просто море. Двигатель практически выработал свой ресурс. Пришлось Чкалову задействовать свои связи. Он где-то умудрился не только достать топливо, но и два новеньких двигателя. Один, М-11, для Шер-1, а также М-25, который ставили на истребитель И-15, для вертолета Шер-2.

Вскоре мы уже отрабатывали парные полеты и маневрирование. Также Чкалов загорелся идеей найти кинооператора для съемок испытаний. Для этого он слетал на попутке, как он выразился, в Уфу и привез оттуда оператора с камерой и запасом пленки.

Снимали в лучших традициях рекламных роликов будущего. Вертолеты взлетали и маневрировали как поодиночке, так и парой. С транспортно-десантного Шер-2, медленно пролетающего на малой высоте, на ходу десантировались вооруженные карабинами бойцы НКВД. С высоты их прикрывал второй вертолет, ведя огонь из пулеметов по стоящим в стороне ростовым мишеням (спасибо арестованному бывшему начальнику НКВД за неучтенный арсенал). С парнями предварительно провели несколько тренировок, и теперь де-

сантирование выглядело довольно впечатляюще.

Ринат Гареев привел какого-то паренька с немецкой овчаркой на поводке. Парень мечтал стать пограничником и дрессировал свою собаку со щенячьего возраста на поиск и задержание нарушителя. Решили обыграть и этот сценарий. Я, правда, был не уверен, что пес полезет в вертолет с работающим двигателем, все же шум стоял очень даже не слабый, но выяснилось, что Урал, такая кличка была у пса, плевать хотел на шум и тряску. Раз хозяин приказал, то он хоть в преисподнюю полезет. Мне показалось, что псу даже понравилось чувство полета. На кадрах пленки было прекрасно видно, как с зависшего на малой высоте вертолета спрыгивает собака и стремительной молнией настигает пытающегося скрыться нарушителя. Следом за псом десантируются бойцы, и вот уже скрученного задержанного грузят на борт.

Весна тем временем все активнее и активнее вступала в свои права. На полях снег уже сошел, и лишь в лесу, под кронами деревьев еще лежали рыхлые сугробы. В один из дней, когда мы занимались обслуживанием техники перед последним этапом съемок (предстояло расстрелять остатки патронов из подпольного арсенала), после которого Чкалов должен был отправиться в Москву к Берии с внушительным пакетом, на аэродром примчался Николай.

– Миш, выручай! – Он буквально выпрыгнул из автомобиля. – Банда. Ограбили кассу леспромхоза, убили кассира, бухгалтера и милиционера и скрылись. Их выследили и на-

чали преследовать, но они укрылись в горах в пещере. Туда ведет одна тропинка, и по ней к ним не подобраться. Мы уже потеряли убитыми трех милиционеров. Выручай! Если дотемна их не возьмем, то ночью они уйдут.

Заправка техники и загрузка боекомплекта много времени не заняли, и вот, определившись по карте с маршрутом, две винтокрылые машины оторвались от земли, отправившись на свое первое, по-настоящему боевое задание. На борту Шер-2, который пилотировал Семен Безумнов (Чкалов еще недостаточно хорошо освоил винтокрылую машину), находились трое бойцов с Николаем и запрыгнувший буквально в последний момент оператор с кинокамерой.

До места долетели довольно быстро, хотя и продрогли. Сели на удобную поляну примерно в километре от места боя. Изредка доносились одиночные винтовочные выстрелы. Видимо, милиционеры таким образом не давали бандитам высунуться из пещеры. По протоптанной тропе подобрался поближе. Да, картина маслом. От подножия горы к пещере действительно не подобраться. Единственная тропа вся простреливается.

Николай поднес ко рту жестяной рупор, как две капли воды похожий на тот, что был у героя Высоцкого из фильма «Место встречи изменить нельзя» капитана Жеглова, и предложил бандитам сдаться. Прилетевший ответ выбил щепу у расположенного неподалеку дерева.

Кстати, пещеру эту я знал еще по прошлой жизни. Это

была даже не совсем пещера, а, скорее, грот. Довелось как-то укрываться в нем от непогоды в одном из лесных походов. Снизу он действительно не простреливался, но и каких-либо изгибов не имел. Значит, если стрелять с одного с ним уровня, то грот простреливался весь.

План созрел быстро. Я подлечу на вертолете к вершине горы и опущусь на уровень грота, ведя огонь из пулеметов. В это время бойцы рывком преодолеют расстояние до входа и повяжут тех из бандитов, кто уцелеет, хотя Николай и сказал, что живыми их можно и не брать.

Взлетел с поляны и чуть в стороне начал набирать высоту. Неподалеку параллельным курсом летел второй вертолет, а из створки десантного отсека высунулся кинооператор, держа в руках камеру и ведя съемку. Молодец, Семка, без подказки сообразил.

Не знаю, что подумали засевшие в гроте бандиты, когда слышали непонятный шум снаружи, да и времени на размышления у них было не так уж и много. Вход в грот заслонила тень от непонятной шумной машины, и в гул мотора органично вплелся треск пулеметных очередей. Зрелище со стороны должно было быть завораживающим. Не знаю, где бывший хозяин подпольного склада вооружения нашел такое количество трассирующих патронов, но нам они пришлось, что называется, в масть. И сейчас пулеметные ленты были снаряжены трассирующими боеприпасами через каждые два обычных. Мы как раз собирались расстрелять по ми-

шениям остатки патронов, но нашлась другая, более привлекательная цель.

Мне хорошо было видно, как спаренной очередью буквально разорвало двух бандитов. Еще пара человек попытались броситься подальше от входа. Увы, не судьба: одного перечеркнула очередь, а второму попало в голову рикошетом. Пока грот не заволокло пылью и мелким каменным крошевом, выбитым из скалы пулями, было видно, что кто-то пытается укрыться, съезжившись за камнями.

Тем временем бойцы преодолели расстояние до входа в грот. Пришлось прекратить огонь. Милиционеры заскочили внутрь, и буквально через полминуты один из них вышел наружу, подняв скрещенные руки вверх. Живых бандитов не осталось. Я сделал эффектный разворот и ушел со снижением к знакомой поляне, ставшей нашим временным аэродромом.

В Белорецк возвращались победителями. К Семену загрузили тяжелораненого милиционера, там же расположились Николай с довольно увесистым мешком, в котором находились найденные у бандитов деньги и ценности, и кинооператор. Им предстояло совершить промежуточную посадку рядом с городской больницей, куда требовалось доставить раненого. Был там подходящий пустырь. Естественно, все происходящее снималось на киноплёнку. Как позднее узнали, раненого привезли вовремя. Еще бы немного, и никто ему уже не смог бы помочь. Николай вызвал по телефону маши-

ну к больнице и с вещдоками уехал к себе, а Семка направил винтокрылую машину на аэродром.

Спустя три дня я провожал улетавшего в Уфу Чкалова. С собой он увозил толстый пакет для Берии и чемодан с несколькими бобинами киноплёнки с отснятыми материалами об испытаниях и применении вертолётной техники. А ещё в чемодане была закреплена бутылка с приготовленной мной горючей смесью. Чкалова я строго-настрого предупредил, что содержимое чемодана ни при каких обстоятельствах не должно попасть в чьи-либо руки, кроме Берии. При малейшей опасности он должен был дернуть за шнурок, который приводил в действие запал-воспламенитель.

Интерлюдия

Москва, Лубянка. Л. П. Берия

Человек в пенсне сидел за столом и задумчиво смотрел на довольно объемистую папку, которую он, в очередной раз перечитав, закрыл. То, что содержалось в ней, было просто невозможно. Нет, что касалось новой техники, вопросов не вызывало. В конце концов, над чем-то подобным уже работали и в СССР, и за границей, но вот описание событий, которые только еще должны произойти, ставило в тупик.

Предсказать такое просто невозможно, это противоречит материалистическому мировоззрению. Например, написано, что в начале мая вместо Литвинова наркомом иностранных

дел будет назначен Молотов, а в конце месяца японские войска вторгнутся на территорию Монголии в районе реки Халхин-Гол. Этому будут предшествовать провокации на границе. Также написано, что 1 августа в СССР будет учреждена медаль «Золотая Звезда», которую будут вручать Героям Советского Союза (я еще в школе делал доклад о первых Героях Советского Союза, и эта дата как-то сама всплыла в памяти). Сказано и о подписании 23 августа «Договора о ненападении между Германией и Советским Союзом». Сентябрь начнется с нападения Германии на Польшу, объявлении 3 сентября Великобританией и Францией войны Германии, а 17 сентября начнется Польский поход Красной Армии. Также упомянуто присоединение к СССР земель Западной Украины и Западной Белоруссии. 14 сентября в Америке впервые оторвется от земли, пока еще на привязи, первый вертолет VS-300 конструкции Сикорского. 2 октября в небо поднимется самолет ЦКБ-55, которому суждено стать в скором будущем штурмовиком Ил-2, а 30 ноября начнется Советско-финляндская война, которой будут предшествовать провокации со стороны финских пограничников в районе деревни Майнила. И, как вишенка на торте, упомянуто землетрясение 28 декабря в турецком городе Эрзинджан, которое унесет жизни около 39 тысяч человек (запомнил, потому что ездил с женой в этот турецкий город, и помимо знаменитых горячих источников мы побывали еще и на экскурсиях по местным достопримечательностям). А, так сказать, на десерт

описаны примерные районы, где в будущем будут добывать нефть, газ и алмазы.

Такое выдумать сложно. Сидящий за столом снял свое пенсне, протер его и, снова водрузив на нос, посмотрел на сидящего напротив известного советского летчика.

– Скажите, товарищ Чкалов, как по-вашему, написанному здесь можно верить?

– Я не знаю, что там написано, товарищ Берия, но человеку, передавшему мне эти записи, верить можно, – твердо ответил Чкалов.

– Ви в этом абсолютно уверены? – В голосе человека в пенсне прорезался заметный акцент.

– Абсолютно. – Чкалов сжал в кулаки лежащие на столе ладони. – Я ему верю как себе.

– Бывают ситуации, когда даже самому себе нельзя верить, поэтому подумайте хорошенько, прежде чем отвечать, – сказал Берия с нажимом.

– Я даже думать не буду. Повторяю: я верю ему даже больше, чем себе. – Чкалов был непреклонен.

– Это хорошо. – Берия внимательно посмотрел на собеседника через стекла пенсне. – Это очень хорошо, что вы, товарищ Чкалов, настолько уверены. Расскажите, что за человек этот самый Шершнев и откуда у него все эти сведения.

– Михаил? Молодой. На вид ему лет 25. Честно говоря, я даже не поинтересовался его настоящим возрастом. – Чкалов виновато пожал плечами. – Судя по всему, имеет хо-

рошее высшее образование. Да и сам он про себя говорил, что инженер. Отличный пилот. На спроектированных и построенных им вертолетах творит буквально чудеса. Но не это главное. – Чкалов в ответ пристально посмотрел прямо в глаза Берии. – Главное – это то, что он родился в 1970 году, прожил долгую жизнь и каким-то образом оказался в нашем времени.

– А может, он просто сумасшедший и морочил вам голову? – с усмешкой спросил глава НКВД. – Или все это тонко спланированная провокация, чтобы ввести руководство страны в заблуждение?

– На сумасшедшего Михаил точно не похож. Сумасшедший такое, – Чкалов кивнул на папку, в которой помимо всего прочего лежали эскизы и рисунки вертолетов, самолетов, танков и другой техники и, конечно же, «Наставление», – не придумает и тем более не построит. Да и все остальное, о чем он написал, должно вскоре произойти, поэтому все можно будет легко проверить.

– Ви противоречите самому себе, товарищ Чкалов. – В голосе Берии зазвучали стальные нотки. – Ви только что говорили, что не знаете, что здесь написано.

– Я действительно не знаю, что там написано, и повторяю лишь слова Михаила. Он сказал, что у него есть еще много важной информации, но чтобы ему поверили, он описал события ближайшего будущего, которые легко проверить.

– Ну хорошо, – смягчился Берия, – а что вы как опыт-

ный пилот скажете о тех машинах, что запечатлены на кино- пленке? Они действительно настолько хороши, и нужны ли они нам? Ведь, насколько я помню, несколько лет назад что- то подобное проходило испытания и было признано беспер- спективным.

– Уверен, что нужны, товарищ Берия. – Чкалов аж хлоп- нул ладонью по столу. – Даже эти, по словам Михаила, еще сырые вертолеты на испытаниях и при уничтожении банды показали свою эффективность. Думаю, что если оснастить такие машины достаточно мощным двигателем, то мы по- лучим как штурмовик поля боя, достаточно вооруженный и бронированный, чтобы бороться даже с бронетехникой про- тивника, так и вертолет для десантных и спасательных опе- раций. По словам Михаила, в ряде случаев вертолет стано- вится просто незаменим и на суше, и на море. В будущем эти машины будут использовать массово в разных целях. Даже пожары с них будут тушить.

– Что ж, товарищ Чкалов, спасибо вам за то, что достави- ли этот груз в целости и сохранности, а также за ваши отве- ты. – Берия встал из-за стола, показывая, что разговор окон- чен. – Вы можете быть свободным, но постарайтесь из горо- да никуда не уезжать в ближайшее время. Возможно, пона- добится ваша помощь или консультация.

Проводив известного летчика, Берия еще несколько ми- нут сидел, что-то обдумывая, а потом поднял трубку внут- реннего телефона и распорядился подготовить кинозал к

просмотру. Очень уж хотелось еще раз посмотреть на необычные летательные аппараты. А еще больше хотелось лично побеседовать с этим «путешественником во времени», чтобы составить свое мнение и уже после докладывать обо всем Сталину.

Глава 6

Дорога дальняя, казенный дом

За мной пришли на следующий день после моего дня рождения. По документам, выданным здесь, мне исполнилось 26 лет. И вот 10 мая у ворот остановился автомобиль и двое в форме НКВД в сопровождении Николая вошли в дом.

– Здравствуйте, товарищ Шершневу, – поздоровался старший из вошедших. – Вам необходимо поехать с нами. Собирайтесь.

На мой немой вопрос ответил Николай:

– Тебя, Михаил, вызывают в Москву.

Стоящая рядом Татьяна всхлипнула.

– Успокойся, моя хорошая, – обнял я супругу. – Так и должно было быть. Надеюсь, я скоро заберу тебя к себе в Москву. Это же не арест, я надеюсь.

Последнее слово я чуть слышно буркнул себе под нос, но все же был услышан.

– Не беспокойтесь, товарищ Шершневу, это не арест. С вами хочет лично познакомиться товарищ Берия. И у нас приказ вывезти отсюда образцы техники и всю документацию. Вы должны решить, сколько вагонов для этого потребуется, а товарищ Сазонов обеспечит охрану для сопровождения груза в пути до Уфы.

Ну хорошо, что товарищ, а не гражданин. Это хоть немного успокаивает, а там как кривая вывезет. Собраться мне недолго. Проводив Чкалова в Москву, я сразу занялся разборкой и упаковыванием в транспортировочные ящики, изготовленные все в той же артели, двух наших вертолетов и подготовкой всей документации. Так что на сегодняшний день осталось только погрузить все в два узкоколейных вагона и в путь.

Спустя сутки наш маленький состав, состоящий из двух крытых вагонов и одного вагон-салона, без лишних разговоров экспроприированного у директора металлургического завода, медленно тронулся от станции Нура, оставляя позади то и дело вытирающую слезы платком Татьяну.

Наш путь лежал до станции Запрудовка (г. Катав-Ивановск), где предстояло загрузиться уже в вагоны широкой колеи и далее ехать без пересадок до самой Москвы. Целый день наш маленький состав кружил по горным серпантинам, проезжая красивейшие места, по сравнению с которыми любая Швейцария покажется унылым и серым захолустьем.

В Запрудовке переместили груз в один багажный вагон широкой колеи, где разместились втроем в небольшом купе. Еще трое сазоновских парней расположились непосредственно с грузом, поочередно неся караул в тамбуре.

Так доехали до Уфы, где сменилась охрана груза, и после недолгой стоянки продолжили путь. Если честно, то я думал, что в Москву меня доставят самолетом, но, видимо, не такая

я уж и большая шишка, так что обойдусь и железнодорожным транспортом.

Следующие двое суток прошли под аккомпанемент перестука колес. Ехать с молчаливыми попутчиками было, мягко говоря, скучновато. Их ведомственная принадлежность явно не располагала к пустой дорожной болтовне, поэтому я какое-то время рассматривал проплывающие за окном пейзажи, а потом просто завалился спать, просыпаясь лишь на прием пищи, благо съестным в дорогу меня Таня обеспечила так, что хоть в Магадан езжай (тьфу-тьфу-тьфу). Вот что-то, а спать в поездах я мог и любил. В свое время довелось покататься по командировкам по необъятным просторам России-матушки и ближнего зарубежья.

В Москву приехали после обеда, когда майское солнце всю грело уставшую от морозов землю своими лучами. Вагон загнали в какой-то тупик, где меня встречал улыбающийся Чкалов, приехавший на черном «Паккарде». Вот тут напряжение, буквально державшее меня за горло эту пару дней, сошло на нет. Уж Валеру точно не пошлют меня арестовывать.

Чкалов крепко пожал мне руку, сопровождавшим лишь сдержанно кивнул, а затем сказал:

– Поехали, Лаврентий Павлович ждет тебя. Теперь все будет по-другому... – Думаю, лишь мы с ним поняли весь смысл последней фразы.

И вот я стою перед дверью кабинета, за которой меня ждет

один из самых могущественных людей Советского Союза. И выйти отсюда я могу в любом качестве, вплоть до ээка.

– Откуда у вас эти сведения?

Хозяин кабинета кивнул на лежащую перед ним знакомую мне папку. Вот так, ни здрасьте тебе, ни предложения присесть. Хотя именно присесть в этом кабинете можно конкретно и надолго.

Взгляд за стеклами пенсне, казалось, просвечивал насквозь не хуже рентгена. Странно, но именно в этот самый момент меня охватило чувство спокойствия и уверенности. Наверное, я все же еще не совсем до конца ассоциировал себя с этим временем, хотя и прожил здесь почти год, и тот же Берия, сидящий напротив, был в моем понимании давно умершим персонажем.

– Японцы начали боевые действия на Халхин-Голе? – вопросом на вопрос ответил я.

– Начали, – бросил Берия, – и именно так, как вы здесь изложили. И я повторяю свой вопрос: откуда у вас эти сведения?

– Наверное, отсюда, – я постучал пальцем себе по виску.

– Предсказатель? – спросил Берия тоном, будто выплюнул это слово.

– Предсказатель видит будущее, а я вспоминаю прошлое. Вам же товарищ Чкалов должен был рассказать обо мне.

– Он рассказал, но я ему не до конца поверил. Да и сейчас ни ему, ни вам я не верю. Все это может быть тонко сплани-

рованной провокацией. Ведь у вас нет никаких материальных доказательств, кроме ваших слов.

– Спланировать можно многое, но нельзя спланировать землетрясение, о котором я писал. Однако до него ждать еще достаточно долго, а вот кто сможет спланировать наши и японские потери в самолетах, которые будут в период с 22-го по 24 мая? За два дня боев наш авиаполк потеряет пятнадцать истребителей, сбив при этом лишь один японский. К сожалению, наши летчики недооценивают японские армейские истребители Ki-27, ошибочно считая их устаревшими.

– Мы проверим эту информацию, тем более что до этих событий осталась всего неделя, – Берия несколько смягчился, – а вы пока погостите здесь и, может быть, что-нибудь еще вспомните. – Последнее слово он произнес с некоторым сарказмом.

– Я постараюсь вспомнить как можно больше. Запишу это и передам вам для ознакомления. – Я сделал вид, что не заметил сарказма в голосе Берии. – А что касается материальных доказательств, то я могу предъявить лишь свои часы, которые были на мне в момент переноса сюда. Покажите их специалистам, и пусть они установят, хотя бы приблизительно, когда эти часы были изготовлены. И я надеюсь, что часы мне впоследствии вернут. Они дороги мне как память и как подарок на юбилей. – С этими словами я отстегнул браслет и положил часы на стол.

Разместили меня даже с комфортом, правда, в том же зда-

нии на Лубянке. Оказывается, здесь было что-то вроде гостиницы. Довольно просторная комната, туалет, ванная комната и вполне приличная спальня. Все обставлено мебелью даже со вкусом, так что жить можно. Вот только выходить из комнаты мне не рекомендовали.

Я попросил бумагу и писчие принадлежности. Все доставили буквально молниеносно. Бумагу, кстати, принесли отличного качества, белоснежную. Поинтересовались, не нужна ли мне печатная машинка. Подумав, отказался. Ну ее нафиг. Еще в Белорецке как-то попробовал печатать на такой, так все пальцы отбил с непривычки. Это вам не клавиатура компьютера, так что писать буду от руки, благо перьевой ручкой пользоваться в конце концов научился. Еще принесли с десяток уже заточенных карандашей и линейку, а вот нож для заточки не принесли. Видимо, не положено здесь иметь постояльцам остро заточенные предметы. Я только хмыкнул на это.

Едва я сел за стол и положил перед собой девственно чистый лист, как раздался стук в дверь. В мой номер, толкая перед собой никелированную тележечку с судочками, тарелками и небольшим чайничком, вошла миловидная девушка в белоснежном передничке и накрахмаленном чепчике.

– Добрый день! – Милое создание лучезарно улыбнулось. – Ваш обед.

Не успел я и слова в ответ произнести, как стоящий посередине комнаты стол был накрыт. Надо сказать, что пахло

от выставленных на нем блюд просто одуряюще. И хотя есть особо не хотелось, но от этих ароматов слюна сама собой начала выделяться просто в немыслимых количествах.

– Приятного аппетита! – все так же улыбаясь, проворковала фея местного общепита (хотя на 150 процентов уверен, что у этой феи есть специальное звание НКВД). – Как покушаете, оставьте все на столе, я заберу, – сказав это, девушка буквально испарилась.

Ну что сказать, кормят здесь, в «Госужасе»²², вполне даже неплохо. Сам не заметил, как опустошил все тарелки. Пришло время и поработать.

Удивительно, но следующие две недели меня не трогали. Я изложил на бумаге все, что смог вспомнить о ходе и результатах войны с Финляндией, о присоединении Прибалтики. Конечно же, особое место уделил началу Великой Отечественной войны. Написал о неисполненных директивах, о преступных приказах, о героизме защитников Брестской крепости и пограничников. Прекрасно понимая, что, скорее всего, наживу себе, мягко говоря, недоброжелателя в лице того же Берии, достаточно подробно описал отступление Красной Армии до стен Москвы, блокаду Ленинграда.

Ох, как я в эти дни благодарил форумы альтернативной истории, на которых до потемнения в глазах спорили о хо-

²² В здании НКВД, а позднее КГБ на Лубянке до революции размещалась компания «Страховое общество “Россия”». После революции, когда в 1919 году здание занял Особый отдел Московской ЧК, остряки название немного перефразировали.

де тех или иных военных операций в годы войны, анализировали просчеты, строили предположения. А еще там были любители «строить» альтернативную военную технику. Да и я этим грешил, было дело. И все это я переносил на бумагу. Эскизы и рисунки бронетехники на основе выпускаемых сейчас танков серии БТ, Т-28, Т-26. Вместо громоздкого КВ-2 – что-то, напоминающее «объект 268». Легкие САУ, РСЗО²³ и БТР на основе шасси так и не пошедшего в серию четырехосного грузовика ЯГ-12. Ну и, конечно, мои любимые вертолеты.

А еще я попросил принести мне карту СССР, на которой отметил примерные районы, в которых в будущем найдут большие запасы нефти и газа. В том же Нижневартовске довелось побывать пару раз, а там до Самотлорского месторождения, что называется, рукой подать, а откроют его, если мне не изменяет память, только в середине 1960-х годов.

В моей родной Башкирии нефть добывают с начала 1930-х годов, но пока не открыто еще Туймазинское и Чекмагушевское месторождения нефти. А ведь есть еще месторождения, о которых я просто не помню. Не помнил я и координат города Мирный, где было открыто месторождение алмазов. Примерно на карте очертил район и написал пояснение: «Алмазы». В эти минуты мне хотелось буквально расцеловать свою учительницу по географии, которая заставляла нас, оболтусов, чертить контурные карты, отмечать на них

²³ РСЗО – реактивная система залпового огня.

полезные ископаемые и перечерчивать раз за разом, если находила неточности.

Раз в день под вечер в мой номер заходил молчаливый сотрудник НКВД и забирал написанное мной. И не просто так забирал, а ставил на стол что-то вроде металлического кейса с замком и выходил за дверь. Я открывал кейс (буду так его называть, потому что мне привычнее) своим ключом, перекладывал туда написанное мной за день, закрывал замок и передавал с рук на руки ожидавшему за дверью сотруднику. Так мы договорились с Берией. Второй ключ был у него.

И вот спустя две недели моего достаточно комфортного заточения в дверь вошел сам глава НКВД. Он оглядел мои хоромы и произнес:

– А неплохо вы устроились, товарищ Шершнев. Можно сказать, номер люкс в гостинице с полным пансионом, и все это за государственный счет. Тоже, что ли, попросить, чтобы так же закрыли хотя бы на пару дней и не тревожили?.. – Берия рассмеялся своей шутке.

Я же сидел вполоборота к нему, ожидая, что будет дальше. Вставать я и не подумал. Уже одно то, что Берия сам пришел и обратился ко мне «товарищ», а не «гражданин» говорило о многом. Похоже, он мне поверил.

Берия тем временем резко прекратил смеяться и обратился ко мне:

– Собирайтесь, Михаил Андреевич. Поедем знакомиться кое с кем.

У меня невольно перехватило дыхание. Похоже, я знаю, кто такой этот самый «кое-кто».

Кабинет Сталина почти не отличался от того, как его показывали в фильмах. Сам хозяин кабинета сидел за рабочим столом и с интересом рассматривал меня. Я выступил на полшага вперед зашедшего со мной Берии и произнес:

– Здравствуйте, товарищ Сталин. – Голос слегка дрогнул от волнения. Все же, что бы там ни писали либералы в будущем, передо мной была ЛИЧНОСТЬ.

– Здравствуйте, товарищ Шершнев. – Сталин заметил мое волнение и слегка усмехнулся. – Проходите, присаживайтесь. И не надо бояться товарища Сталина. Товарищ Сталин не такой уж и страшный.

Я сел за стол, а Сталин с Берией расположились напротив.

– Так вот вы какой, пришелец из будущего... – Сталин пристально смотрел на меня.

– Выходит, мне поверили?

– Слишком много совпадений с вашими предсказаниями. – Сталин встал и прошел к своему рабочему столу. Вернулся он с какой-то папкой, которую положил передо мной. – Это доклад о действиях наших ВВС на Халхин-Голе и о потерях сторон. Все, что вы написали, полностью подтвердилось. А это, – Сталин протянул несколько листов с машинописным текстом, – заключение экспертов по вашим часам. На некоторых деталях удалось обнаружить маркировку, которая указывала на дату изготовления. Кроме того, некоторые тех-

нические решения оказались нашим экспертам, а это очень компетентные люди, совершенно неизвестны. Да, кстати, вот ваши часы, в целости и сохранности. Единственное, что заменили, это заднюю крышку с гравировкой. Ваша родная теперь находится с спецхранилище, как важный артефакт.

Я застегнул на руке браслет с часами. Сразу стало как-то спокойнее. Все же, как-никак, родная вещь, пришедшая со мной из другого времени.

– Ну а теперь расскажите о себе, товарищ Шершнев. Кто вы и откуда. – Сталин раскурил свою знаменитую трубку и приготовился слушать.

– Я, Шершнев Михаил Андреевич, родился в городе Белорецке в 1970 году. Там же окончил десять классов школы, отслужил в армии два года в частях Комитета государственной безопасности по охране особо важных объектов. После армии поступил в Магнитогорский государственный технический университет, который через пять лет окончил по специальности «Машины и технологии обработки металлов давлением». Так что я дипломированный инженер и заодно капитан запаса. В университете была военная кафедра, да и позднее несколько раз отправляли на военные сборы, где я получил офицерское звание.

– Офицерское? – вскинулся Берия.

– Да, именно так, – ответил я. – В 1943 году, в самый разгар войны, были вновь введены погоны, командиры стали офицерами, а бойцы – солдатами.

– Об этом мы еще поговорим, – Сталин слегка взмахнул рукой с трубкой. – Продолжайте, товарищ Шершнев. Расскажите, как вы оказались в нашем времени.

– Это мне и самому непонятно, товарищ Сталин. Сидели на лодочной станции, которую в нашем времени превратили в кафе-шашлычную, отмечали юбилей коллеги. Я перебрал спиртного и решил идти домой. Сам не помню, как ночью оказался возле городского пляжа и решил искупаться. Отплыл от берега, где меня накрыло каким-то туманом, и я потерял ориентировку. Долго плавал в тумане, пока не начал тонуть. Уже погрузившись под воду, почувствовал сильную боль во всем теле и какой-то гул и вибрацию в толще воды. Собрался с силами и рванул к поверхности, где ударился головой о понтон и потерял сознание. Очнулся уже в этом времени. Меня спас сторож лодочной станции, который приютил у себя и сообщил обо мне своему племяннику, сотруднику НКВД, – я перевел дух. – Ну а потом был арест. Нас, сторожа, его племянника и меня, повезли расстреливать, но вмешалась опергруппа из Уфы, приехавшая арестовывать начальника районного управления НКВД. В итоге в самый последний момент нас успели спасти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.